

388
7.80

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ Д.В.

Камчатская К-ра
Акад. Камч. О-ва
Б. К.-23. 26

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Б. К., 2, 3.

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

ЧЕЛОВЕК

2/3.

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:

Е. М. ЧЕПУРКОВСКИЙ, М. И. ЦЕЛИЩЕВ, В. М. САВИЧ, П. И. ПОЛЕВОЙ, П. М. ПИСЦОВ,
Е. И. ЛЮБАРСКИЙ, Л. В. КРЫЛОВ, К. А. ГОМОЮНОВ и Н. П. ВЛАДИМИРСКИЙ.

ИЗДАНО ПО ПОРУЧЕНИЮ
ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНОЙ КРАЕВОЙ ПЛАНОВОЙ КОМИССИИ

Централизованная
~~БИБЛИОТЕКА РЫБАКОВ~~
Петропавловск-Камчатский

ХАБАРОВСК—ВЛАДИВОСТОК

1927

Б. А. Редько.

АЛЕУТЫ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ.

В рамках настоящего очерка я не собираюсь дать исчерпывающий материал об алеутах Командорских островов. Задачи мои гораздо скромнее: дать краткое описание алеутов с этнографической и экономической точек зрения.

В сравнительно обширной литературе о Командорских островах можем мы отметить одну лишь работу Е. К. Суворова — «Командорские острова и пушной промысел на них», в которой автор дает более или менее правильные сведения о наших алеутах до 1911 года, при чем, кстати замечу, этот автор, давший в целом прекрасный труд об островах, единственный по своему значению в русской литературе, лично имел возможность пробыть на Командорах и наблюдать алеутов всего лишь в течение нескольких месяцев. В других работах, касающихся Командорских островов и их населения, относительно последнего мы находим лишь отдельные, краткие замечания. Та же кратковременность пребывания на островах и ограниченность, вследствие этого, непосредственных наблюдений, приводила авторов этих работ в вопросе о самом населении подчас к совершенно неправильным заключениям. Здесь мы видим совершенно разноречивые и, нередко, взаимно исключающие друг друга характеристики и мнения, основанные на случайных или субъективных впечатлениях.

Во всей нашей отечественной литературе о Командорских островах все внимание уделялось пушному промыслу на них и отдельным его моментам, а о самих жителях наших островов говорилось между прочим:

Классический труд Иннокентия Вениаминова («Записки об островах Уналашкинского отдела. 1840 г. С.-Петербург»), относящийся еще к началу прошлого столетия и представляющий весьма полное описание жителей восточной части группы Алеутских островов, дает нам ценные сведения и характеристику племени алеутов, но, повторяю, если мы будем искать во всей литературе материал о наших Командорских островах, то мы можем остановиться только на вышеуказанной работе Суворова, да еще, пожалуй, на докладе Н. А. Гребницкого «Население Командорских островов»¹).

Значительный интерес к нашим окраинам и к туземцам, в частности к алеутам, проявляемый за последнее время в центре и у нас в Дальневосточном крае, находит свое отражение на страницах перио-

¹) Труды В. И. Иохельсона и последняя капитальная работа этого знатока наших северо-восточных туземцев — «Archaeological Investigations in the Aleutian Islands», издание Института Корнеджи. 1925 г.—не имеют прямым объектом своего исследования наших командорских алеутов и касаются их лишь постольку, поскольку командорцы в своей массе являются выходцами с Алеутских островов.

дической печати в виде ряда разных заметок, сообщений и т. п. Здесь также мы нередко находим неправильности, увлечения, скороспелость выводов и прочее.

Поэтому представляется целесообразным в пределах достаточно точных знаний осветить вопрос, доселе еще мало освещенный, — о жителях Командорских островов — алеутах.

Прожив безвыездно на Командорских островах, на о. Беринге и о. Медном три года, имея непосредственную возможность лично наблюдать наших алеутов за этот период во всех проявлениях их характера, навыков и свойств, видеть их жизнь и разделять с ними суровые условия их существования, — я, как бывший помощник начальника Командорских промыслов, накопил небольшой материал о наших алеутах и в настоящем очерке имею в виду в очерченных выше рамках поделиться своими наблюдениями.

Этнологически племя алеутов принадлежит к американской группе народов и в отношении происхождения очень близко к северо-американским эскимосам, с которыми имеет много общих черт. В древнейшие времена алеуты продвигались с американского материка в западном направлении, постепенно заселяя цепь Алеутских островов, начиная от соседних с Америкой, и постепенно проникая все ближе и ближе к Камчатке. С туземцами Сибири, и в частности Камчатки, они не имели никаких сношений вплоть до открытия русскими мореплавателями группы Алеутских островов, т.-е. до 1741 года.

Командорские острова, расположенные сравнительно уединенно, были заселены много позже теми же алеутами, перевезенными туда с островов алеутской цепи, и в настоящее время туземное население Командор состоит из небольшой группы потомков первоначальных поселенцев с некоторой примесью к ним посторонней крови.

Несмотря на последнее обстоятельство и продолжающиеся браки с различным посторонним элементом, эта маленькая группа удивительно стойко удерживает многие существенные национальные алеутские черты физического типа, характера, привычек и быта, хотя и живет совершенно обособленно от главной массы своего племени, не имея никакой связи с другими островами, заселенными алеутами.

Особенно резко выступает устойчивость алеутов, как народности, концентрирующейся на островах, при браках их с европейцами, при которых дети сохраняют характерные алеутские черты в своей наружности и характере, имея нередко три четверти посторонней крови.

К обитателям Командорских островов до наших дней подходит почти во всех главнейших чертах описание, данное Вениаминовым в начале прошлого века алеутам Уналашкинского отдела. Немало общего можно также сейчас найти между нашими командорскими промышленниками и жителями островов Прибыловых, Уналашки, Атхи и других, начиная от одинаковых фамилий, наружного сходства и кончая общими нравами и обычаями, хотя американские алеуты живут значительно более замкнуто и сохраняют почти в полной чистоте свои расовые признаки.

Открытые командором Витусом Берингом в 1741 году, Командорские острова долгое время не имели постоянного населения. Привлекаемые несметным количеством ценных пушных зверей, особенно морских котиков, различные отважные мореходы и охотники на кое-как сколоченных судах отправлялись на острова, оставались там на зимовку, и многие из них на следующий год возвращались с богатой добычей;

другие, менее удачливые, погибали в бурных волнах океана. В литературе мы не находим за этот период точных данных о размере добычи пушнины на Командорах. Этот период первоначального «вольного» хозяйствования на островах разных удалых людей продолжался свыше 50 лет.

Организованная в 1799 г. с целью эксплоатации пушных промыслов в Беринговом море знаменитая Российско-Американская Компания получила монопольное право производства промысла в названном море и постепенно начала населять острова промышленниками.

Обратимся к краткому рассмотрению главнейших исторических моментов постепенного заселения Командорских островов и эксплоатации их пушных ресурсов.

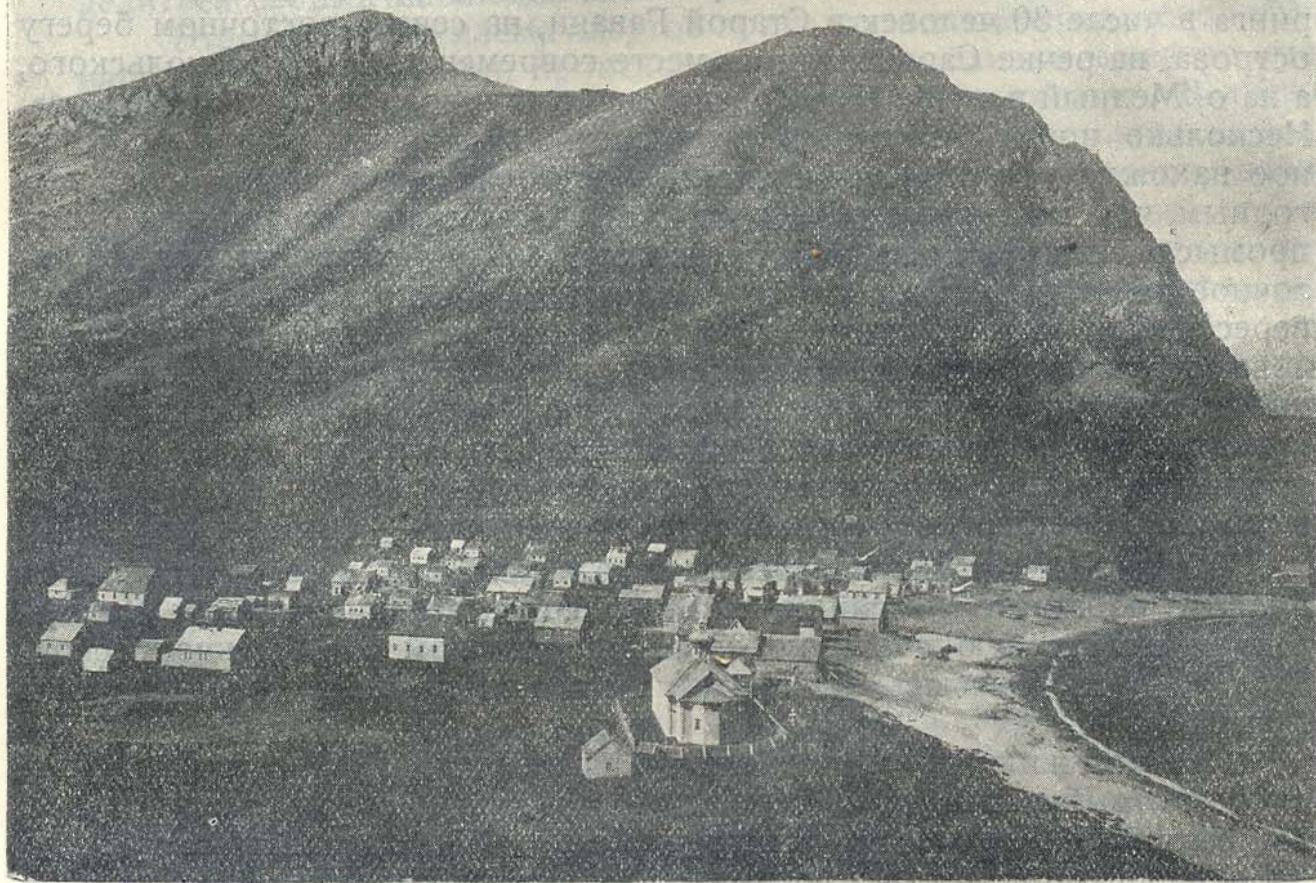
Время переселения первых алеутов на Командорские острова трудно установить с полной точностью. По всей вероятности, первые группы промышленников были временно поселены в 1819 году на о. Беринга в числе 30 человек в Старой Гавани, на северо-восточном берегу острова, на речке Саранной и на месте современного сел. Никольского, а на о. Медный в числе 15 человек близ котикового лежбища «Палата». Несколько позже Российско-Американская Компания нашла постоянное нахождение промышленников на островах значительно более выгодным, чем ежегодную переброску рабочих на острова лишь на время промысла, и переселила на оба острова с Алеутских островов достаточное для промыслов количество алеутов. Эти промышленники были переселены вместе со своими семьями, вероятно, в числе около 100 человек на каждый остров. Сами алеуты считают переселение совершенным в 1825 году и минувшим летом (на о. Медном) они торжественно праздновали столетие первого переселения на острова. На о. Беринга промышленники были доставлены с о. Атха, а на о. Медный с ближайшего к Командорам из цепи Алеутских островов — острова Атту.

Первое время вновь переселенные находились в состоянии почти полного рабства у Компании, которая хотя и выплачивала им определенную пошкурную плату, но во всем остальном совершенно бесконтрольно распоряжалась ими, почти ничего не давая со своей стороны взамен.

Алеуты жили скученно в небольших юртах, скудно отапливаемых дровами, выбрасываемыми морем, и котиковым салом, наполнявшим дымом и вонью их убогие хижины. Зимой они оставались совершенно заброшенными и многие из них гибли, а летом хозяева гнали их на убой зверя и сдирание шкур, продолжавшиеся до наступления следующей зимы. Почти ежегодно население уменьшалось и убыль была пополняется переселением новых партий промышленников, тоже по большей части алеутов. Такие переселения производились с островов Прибывловых, Лисьих и Андреяновских; алеуты также доставлялись из Ситхи, эскимосы с о. Кадиака; наконец, были привезены в незначительном количестве рабочие различных национальностей с Азиатского материка. Здесь мы видим некоторый прилив к основному контингенту промышленников — к алеутам — и русских из Сибири, и колошских креолов из Аляски, и зырян, и даже цыган. Но, повторяю, основой населения явились алеуты, впитавшие в себя поселенцев прочих национальностей. В более позднее время были еще два случая появления на Командорах нового элемента. В первом случае на островах около восемидесятых годов выяснилось, что жители настолько перероднились друг с другом, что новых браков по законам православной церкви

заключать было нельзя, хотя для этих законов и были сделаны некоторые послабления. Тогда администрация отправила группу молодых, холостых алеутов в город Петропавловск на Камчатке, откуда они и вернулись, привезя с собой жен и невест.

Наконец, в 1888 году были переселены на о. Медный 26 человек курильцев и алеутов с м. Желтого (близ южной оконечности Камчатки). Это были остатки промышленников-алеутов, завезенных Компанией на Курильские острова и затем переселенных к м. Желтому для охраны бобровых местообитаний, после уступки Курил Японии. Почти все взрослые мужчины этой группы перемерли, а оставшиеся женщины и дети, влачившие жалкое существование, и были переселены на Командоры.

Село Преображенское и б. Песчаная, о. Медный.

Многочисленные европейцы и американцы, служившие в разное время на островах, также добавили жителям русской, американской, польской и латышской крови. Кроме того, оставили потомство и японцы (хищники), неоднократно попадавшие в лен во время своих набегов на котиковые лежбища.

В результате получился народ, основой которого являются специфически алеутские черты, но который вместе с тем дает значительные отклонения от основного типа.

Между прочим следует указать, что, несмотря на нередкие переселения отдельных семей с одного острова на другой и частые браки, между беринговцами и медновцами до сих пор сохранилась значительная разница как в языке, так и в характере, заложенная со вре-

мени переселения атхинцев на о. Беринга и принадлежащих к другому алеутскому роду жителей Атту на о. Медный.

При разговоре медновец нередко очень плохо понимает беринговца, и они бывают иногда вынуждены прибегать к русской речи, хорошо знакомой им обоим.

В отношении характера медновец гораздо приветливей, живей, остроумней и сообразительней, чем беринговец, отличающийся тяжелодумством и некоторой глупостью. Медновцы значительно развитей, трудолюбивей и интеллигентней, чем беринговцы; они — лучшие рабочие и среди них много прекрасных мастеров, искусных в различного рода ремеслах и особенно в шлюпочных работах. На Беринге знающих ремесла почти нет, а шлюпки беринговских алеутов обычно ремонтируются на Медном.

Вообще медновец производит лучшее впечатление и стоит по своему уму и развитию выше беринговца.

Как уже указано выше, в первое время хозяйствования Российской-Американской Компании, жители находились в самых тяжелых условиях. На острова не привозилось ни муки, ни чая, ни табаку, ни топлива. Пищей населения служили, главным образом, немногочисленные местные растения, котиковое мясо и рыба.

Оплата труда в то время производилась по самой низкой расценке, как видно из следующих данных, взятых из отчета Савича о поездке на Командорские острова, об оплате Компанией сдаваемых ей шкурок промысловых зверей.

Наименование зверя	До 1836 г.	1836— 1852 г.	После 1852 г.	Примечание
	В копейках			
Секач	50	75	75	Все цены
Серый котик	40	50	50	
Голубой песец	100	100	100	на
» недопесок	50	50	50	
Белый песец	20	20	20	ассигнации.
» недопесок	10	10	10	

В настоящее время сохранилось очень мало сведений о времени владычества Компании на островах, так как она тщательно держала в секрете всю свою работу, а некоторые опубликованные данные были затеряны в архивах и, по всей вероятности, погибли, вследствие чего многие интересные вопросы, касающиеся экономического состояния населения за это время, остаются неосвещенными.

Во всяком случае можно сказать, что Компания никогда не расплачивалась с алеутами деньгами, но или особыми марками или же непосредственно товарами, расценивающимися крайне высоко; тем не менее к окончанию действия Компании положение населения несколько улучшилось, благодаря большому количеству добываемого зверя; на островах были построены довольно хорошие здания для жилья; привоз различных товаров и продуктов достиг значительных размеров.

В 1867 году русское правительство решает прекратить арендный договор с Русско-Американской Компанией, подчиняет острова в адми-

нистративном отношении непосредственно петропавловскому исправнику и допускает полную свободу торговли, вследствие чего жители из совершенно бесправных рабочих Компании становятся полными хозяевами на островах и владельцами пушных промыслов, но сейчас же попадают под ничем не стесняемый разгул разных дельцов.

Свободная продажа пушнины привлекла на острова громадное количество различного рода предпринимателей и авантюристов. Особенно много было американцев. Каждый из них строил лавку или склад и, конкурируя друг с другом, начинал скупать у алеутов пушнину, уплачивая за нее товарами и спиртом. Жители, усердно спаиваемые этими коммерсантами, не менее усердно начали избивать зверя, а некоторые даже заключили контракты, по которым, понятно, попадали в полную кабалу скупщиков пушнины.

Однако, в Петропавловске эти контракты утверждены не были, но был заключен договор с петропавловским купцом Филипеусом на поставку на острова всех необходимых товаров и продуктов по фиксированным ценам. Строения, возведенные всеми этими торговцами, были снесены, а сами они принуждены были выехать с острова.

Период свободной торговли, заключавшийся, главным образом, в спаивании алеутов, и известный у них под мало понятным названием «оппозиции», продолжался 4 года и закончился в 1870 г., когда острова были сданы на 20 лет новому арендатору — Американскому Торговому Дому «Гутчинсон Коль и К-о». Эта Компания, получив монопольное право поставки на острова всего необходимого и скупки пушнины, выплачивала жителям пошкурную плату, увеличив ее сначала до 50 коп., а позже, с 1877 г., до 1 рубля за каждую котиковую шкурку.

Ко времени окончания этого контракта благосостояние населения достигло своего расцвета; Компания, получившая колоссальные барыши от ежегодно увеличивающегося убоя котиков, надеялась на продолжение аренды на последующее двадцатилетие и всеми мерами стремилась к развитию пушного хозяйства и наилучшему оборудованию промыслов. Склады Компании всегда бывали полны, и население, получавшее за убой зверя значительные суммы, всегда могло купить не только все необходимое, но даже и многие предметы роскоши; при чем, в случае отсутствия желаемого товара в складе в данный момент, алеут мог его заказать, и Компания выписывала требуемое из Америки со следующим пароходом. Для всех жителей были построены хорошие дома американского типа. И в настоящее время алеуты вспоминают о восьмидесятых годах прошлого столетия, как о золотом веке Командорских островов, когда они ни в чем не испытывали нужды.

Русское правительство, однако, передало аренду в 1891 году на 10 лет «Русскому Товариществу Котиковых Промыслов», как предложившему наиболее выгодные условия, по сравнению со всеми другими соискателями.

Узнав об этом, Американская Компания осенью 1890 г. произвела опустошительное избиение молодых котиков на лежбищах обоих островов. По имеющимся сведениям, было перебито, сверх официального промысла, еще до 50.000 котиков, чем котиковому стаду был нанесен ущерб, от которого оно уже не могло оправиться, и с этого времени пушной промысел начал систематически падать.

По заключенному договору «Товарищество Котиковых Промыслов» обязывалось уплачивать жителям за производство промысла за каждую котиковую шкурку по 1 р. 50 к., а за песцовые и бобровые

шкурки девять десятых поштучной платы, вносимой за них в казну, то-есть, за бобра I-го сорта — 103 р. 80 к., II-го сорта — 50 р. 10 к., голубого песца I-го сорта — 10 р. 38 к., II-го сорта — 5 р. 19 коп. и белого песца — 2 р. 08 к. Кроме этого, Товарищество должно было поставлять на острова все необходимые товары по стоимости рынков закупки с надбавкой на них не свыше 20% стоимости. Несмотря на такие условия, экономическое положение населения, в связи с ежегодно падавшим котиковым промыслом, начало непрерывно ухудшаться.

По окончании срока аренды, в виду того, что Товарищество признало для себя невозможным выполнить все условия договора, аренда была сдана на новые 10 лет «Камчатскому Торгово-Промышленному Обществу». Но, хотя это Общество и уплачивало правительству значительно более высокую пошкурную плату, чем предыдущие арендаторы, расчеты с алеутами производились по ставкам старого договора.

Русско-японская война ускорила, благодаря развивавшемуся хищничеству японцев, истощение пушных ресурсов Командор, и соответственно этому понизилось и благосостояние населения.

Камчатское Общество влажило жалкое существование, и не только не могло развивать дела, но даже поддерживать его на одном уровне, и промысла пришли в самое жалкое состояние и потребовали для своего восстановления особых мер.

В 1911 году между Россией, Японией, Канадой и Америкой заключается в Вашингтоне специальная конвенция об охране котиков и морских богатств, сроком на 15 лет. По этой конвенции договорившиеся державы взаимно обязались не допускать морской убой котиков на путях их миграции и установить ряд ограничительных мер в производстве котикового промысла на суше, при чем хищническим судам было запрещено пользоваться какими-либо портами, и была запрещена торговля нелегализованными котиковыми шкурками.

В 1912 г. правительство устанавливает 4-х летний запрет убоя котиков, эксплуатацию же бобров и песцов на Командорах сдает в аренду «Т. Д. Чурин и К-о», обязавшемуся поставлять на о-ва все необходимые товары и продукты с начислением 18% на их рыночную стоимость и принимать от населения пушнину по следующей цене: бобры I сорта — 300 р., II сорта — 200 р. и III — 100 р.; голубые песцы I сорт — 25 р., II сорт — 15 руб. и III — 10 руб. и белые песцы — 10 р.

В виде же компенсации населения за прекращение убоя котиков организуются общественные работы — прокладка дорог, устройство мостов и т. п., оплачиваемые поденно.

Указанная фирма и является последним арендатором командорских промыслов.

Из вышеприведенного краткого обзора аренды островов различными компаниями мы можем заключить, что более 100 лет наши пушные богатства Командор эксплуатировались хищнически, какая-либо систематическая научно-промышленная работа на них совершенно не велась; само же население было предоставлено на обирание разными предпринимателями, находилось в полном смысле слова в рабском положении, под опекой, и использовалось исключительно, как необходимая для производства промысла рабочая сила.

Если к этому добавить, что на Командорах с 1877 года находился грозный полицейский начальник, представлявший собою всесильную власть, а сами острова до последнего времени считались «Командорским уездом Камчатской губернии», — это при населении уезда

в 350 человек и при 2-х селениях во всем уезде, — то станет понятным тот отпечаток замкнутости, недоверчивости и терпеливости, который, как мы дальше увидим, лежит на алеуте Командорских островов.

Как выше отмечено, в 1916 году закончился срок аренды островов «Т. Д. Чурина», и с этого времени острова перешли в казну.

Февраль 1917 года для алеутов Командорских островов «произошел» только в июле, когда на Командоры зашел пароход — эта единственная живая связь острова с материком.

Будет не безынтересно остановиться ненадолго на кратком описании отдельных моментов проникновения в наши глухие отдаленные углы вести о революции. Если для многих деревень России переворот был в достаточной мере неожиданным, то для островов, которые в течение более чем полугода отрезаны от всего мира, и для которых ближайшим «центром» является Камчатка, привезенная великая весть явилаася прямо ошеломляющей.

«Товарищи и граждане! Вы свободны! Да здравствует временное правительство! Война до победного конца! Вы равноправны! Власть на местах! Командорские богатства — ваши богатства!» — услышали алеуты от приехавших на первом пароходе разных случайных и знакомых людей.

После краткой стоянки парохода, обычной тяжелой выгрузки привезенных товаров и мимолетно выпитой чарки, у алеутов остались новые лица в роли начальства и несколько номеров газет. Из массы громких и пестрых лозунгов, речей и приветствий, им крепко врезалась одна фраза, такая понятная, близкая и важная для их жизни — «Командорские богатства принадлежат вам»...

Этот лозунг, неосторожно брошенный заезжим на острова демагогом (впоследствии показавшим алеутам на практике, в какой мере эти богатства принадлежат кому угодно, но только не алеутам), как увидим ниже, оставил глубокий отпечаток на психологии командорцев, настолько глубокий, что последующие, самые добросовестные разъяснения новых взаимоотношений алеутов с государством ими понимались, как обман и умаление вновь приобретенных прав, «так как сам Лавров сказал, что только при старой власти правительство забирало всю пушину себе, а при новой, народной власти, алеуты стали сами полными хозяевами».

Летом того же года алеуты впервые, как полноправные граждане, принимают участие в 1-м Камчатском областном съезде, послав в Петропавловск пять своих делегатов, из коих один священник и один фельдшер (оба русские).

Департамент земледелия, ведавший Командорами через Управление государственных имуществ, обращал на них очень мало внимания и был даже случай, когда он запрашивал местные владивостокские власти о том, в чьем ведении находятся острова. Отпускаемые кредиты были далеко недостаточны (в 1917 г. было ассигновано всего лишь 50 тыс. руб.), вследствие чего явилась необходимость перейти на снабжение алеутов за счет получаемой с островов пушкины, при чем была принята такая пропорция: 75% суммы, вырученной от реализации пушкины, расходуется на нужды населения и 25% поступает в пользу государства.

В 1917 году снабжение островов производится Петропавловской продовольственной управой. Кроме того, население еще пользуется остатками запасов Чурина, при чем годовой бюджет одного человека

выражается в это время на о. Медном в 123 рубля и на о. Беринга всего в 82 рубля.

В 1918 году организуется «Рыбное Управление» во Владивостоке, в ведение которого и передаются острова.

Однако, вследствие частых политических перемен на Дальнем Востоке, катастрофического падения различных денежных знаков, цены на товары непрерывно повышались и достигали величины в 3—4 раза больше по сравнению с дооценным временем; заработка промышленника уменьшился, а оплата работ производилась то «керенками», то «сибирками», то «буферками», успевавшими к моменту привоза на острова потерять хоть какую-либо свою ценность, и алеутам осталось только налепить их на стенку или надеть на гвоздь, что нередко производилось.

В связи с недостатком снабжения, у населения начало проявляться определенное стремление переселиться на материк, в поисках лучших условий жизни. В 1917 году с Беринга добровольно переселилось в Уку, на восточное побережье Камчатки, 16 мужчин, 13 женщин и 11 детей, а в следующем, 1918 г., четыре семьи с о. Медного просили разрешения выехать на жительство к м. Шипунскому в бухту Бечевинскую.

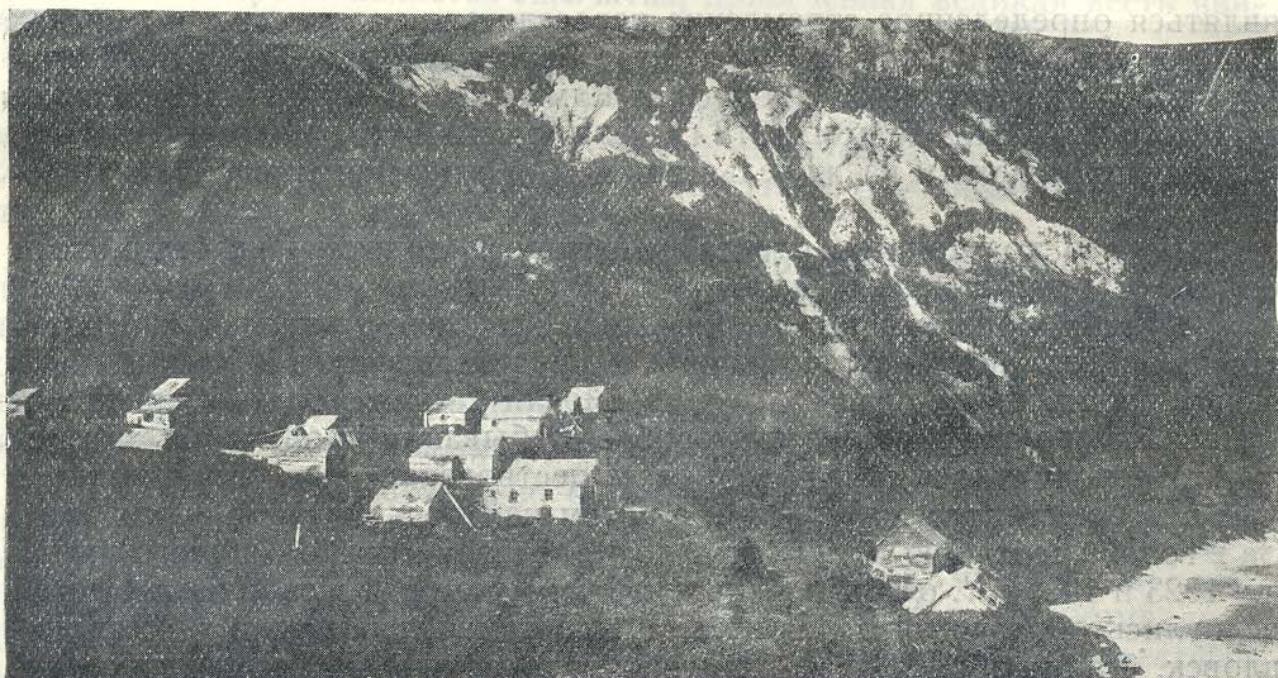
На это ходатайство ответа на островах получено не было, хотя ему и «был дан законный ход».

Судьба укинских поселенцев оказалась весьма печальной. Попавшие в новые, незнакомые условия и предоставленные исключительно своим собственным силам, они не смогли самостоятельно приспособиться к новой обстановке и способам добывания пропитания, и в результате получилось полуголодное существование, еще более худшее, чем в месте старого жительства, а затем началось быстрое вымирание. За 2 года, к сентябрю 1919 г., умерло 10 человек или 25% общего числа, а в 1923 и 1924 г. г. оставшиеся в живых 4 мужчин, 1 женщина и 4 детей вернулись обратно на о. Беринга, а 1 мужчина переехал в г. Петропавловск. Таким образом, за 7 лет вымерло ровно 75% всех переселившихся в с. Уку алеутов.

В большинстве случаев причиной смерти была цынга, на втором месте стояла чахотка. Эта гибель трех четвертей всех переселенцев-алеутов за короткий срок является достаточно наглядным и убедительным аргументом для необходимости осторожно проводить те или иные эксперименты по переселению наших алеутов.

На самих островах цынга с 1917 года появляется регулярно каждую весну и в 1918 году уносит на о. Беринга 5 человек. В связи с ухудшением экономического положения, начинаются посылки делегатов в г. Петропавловск на Камчатке и Владивосток (причем посланные во Владивосток промышленники должны были сдать там добытую на островах пушнину и выяснить сумму задолженности «Рыбного Управления» алеутам) и ходатайства в различные учреждения, имевшие какое-либо отношение к Командорам. Для иллюстрации приведу заявление жителей о. Беринга в Камчатский областной комитет от 5-го августа 1918 года, когда годовой бюджет промышленника упал до 100—140 руб. ...«и вот на эти деньги мы, несчастные, должны были жить и жили, но впроголодь. Жаловаться на нашу горькую судьбу мы не могли, так как у нас до сего времени было полное крепостное право. Вся наша судьба и жизнь находилась в руках начальников уездов, которые были полновластные хозяева островов, и мы пикнуть не могли,

не то что жаловаться на свою судьбу»... «Мы пухнем и умираем ежегодно весной от цынги, вследствие недоедания, а арендаторы наживают сотни тысяч»... В конце этого заявления алеуты просят уделять больше внимания островам и их снабжению. Никакого результата это ходатайство, как и целый ряд других, совершенно аналогичных, не имело; положение продолжало ухудшаться вплоть до 1921 года. Летом 1920 г. острова остались почти совершенно неснабженными ни продуктами, ни топливом; грузы, отправленные на охранном судне «Командор Беринг», погибли во время его аварии у мыса Лопатки; политические перемены в Приморье помешали обратить достаточное внимание на снабжение населения островов, а пушнина была увезена с острова на пароходе «Адмирал Завойко» уполномоченным правительства ДВР

С. Глинка на о. Медном.

т. Якум. В результате зима 1920—1921 г.г. была самой тяжелой для их населения, питавшегося крайне плохо и совершенно не имевшего отопления. Жители собирались по несколько семейств в один дом и, чтобы иметь возможность приготовить себе пищу и хоть немного согреться, разбирали хозяйственные постройки, заборы и даже переборки в домах. Заведывающий промыслами на Командорских островах, преданный делу и знавший его в совершенстве, А. И. Черский, не выдержал тяжелых условий существования и натянутых отношений с населением и отравился.

Привожу выписку из рапорта фельдшера Полговского, командированного на острова в 1921 году в качестве инспектора и ярко описывающего тяжелое положение населения: «Благодаря сильному недоеданию, многие болеют цынгой, малокровием, имеются больные с третичным сифилисом, вообще же жители производят жалкое впечатление; все оборваны и страшная бедность сквозит всюду; высказывалось недовольство, что их забыли и бросили на произвол судьбы, не снабдив провизией, одеждой, а, главное, топливом» (рапорт инспектора Полговского от 11 июля 1921 г. за № 201).

Доведенное до крайности, враждебно и недоверчиво относящееся к агентам «Рыбного Управления», население отказывается сдать пушнину заведывающему пушными промыслами на Командорских островах и, произведя предварительно самочинный убой котиков, в 1921 г. продает шкурки зверей на американскую шхуну, принадлежащую гр. Свенсену, а взамен получает достаточное количество вполне доброкачественных товаров и продуктов.

Летом 1922 года алеуты, считая, что Владивостокское правительство совершенно пренебрегает их жизненными интересами и присыпает свои суда только для того, чтобы забрать с островов имеющуюся там ценную пушнину, подали приезжавшему для обследования положения котикового стада ассистенту Вашингтонского Национального Музея д-ру Стейнегеру заявление, в котором просили Америку принять их под свое покровительство и снабжать острова всем необходимым. Это заявление доктор Стейнегер принял отказался, и оно впоследствии было уничтожено самими писавшими его лицами, боявшимися репрессий... Можно ли обвинять наших алеутов, искавших кусок хлеба? «Американская ориентация» известной группы жителей Командор, как временное явление, была вызвана, во-первых, передающими от отцов к детям рассказами о том, как хорошо жилось на островах во время аренды их Американской Компанией Гутчinsona, когда все необходимые товаро-продукты привозились в изобилии из Америки и были очень высокого качества, а, во-вторых, сведениями об экономическом благосостоянии алеутов, живущих на американских Прибыловых островах.

Такое стремление к Америке не изжито в полной мере на островах и до настоящего времени, хотя уже заметно ослабело, а с улучшением экономического положения жителей — исчезнет бесследно.

Что же касается будто бы «японской ориентации» алеутов, о чем мы слышали отдельные разговоры, то таковой не существовало и не существует совершенно. В японцах командорские туземцы всегда видели лишь хищников, истребляющих и распугивающих запасы их зверя и тем лишающих их необходимых жизненных ресурсов. С 1905 года почти каждое лето промышленники имели с японцами вооруженные столкновения; некоторые из них остались нигде не зафиксированными опять-таки из-за боязни алеутов ответственности, допросов, бумажной волокиты и вообще «начальства». Таким, например, случаем было уничтожение в 1912 году у северного котикового лежбища небольшой японской шхуны. Экипаж этой шхуны был окружен алеутами-охранниками во время боя котиков, весь перебит, и трупы зарыты неподалеку от лежбища, а самая шхуна сожжена.

В 1920—22 г. г. на островах появляются различные русские и иностранные суда, имевшие целью скупить за бесценок шкурки пушного зверя. Каждый приходящий на Командоры пароход является пловучим кабаком, а офицеры с японского крейсера «Ниитака» давали в обмен за пушнину недоброкачественный спирт, от которого на Беринге умерло 3 человека. От иностранцев не отставали и русские военные моряки охранного судна Меркуловского правительства «Магнит», «заказавшие» алеутам убить известное количество котиков и приготовить шкурки к следующему приходу этого «охранного корабля».

В то же время целый ряд американских, английских, японских и русских компаний подают заявление об аренде Командорских островов. В числе этих компаний находятся такие крупные фирмы, как

английская Гудсон-Бэй Компания и японская фирма Кухара, но, несмотря на экономические затруднения, власти все же решают оставить эксплуатацию островов за собой и перейти на современные методы хозяйства. В 1922 г., с привлечением фирмы Демби и К-о, на острова посыпается усиленный персонал служащих, промысла и положение населения регулируются специальными инструкциями, устанавливаются новые ставки оплаты работ и пошкурной платы в золотом рубле за убой и выделку шкурок зверя, согласно приводимой ниже таблицы.

Холостяк	10 р.	Песец белый	50 р.
Лоскут котика от 3 до 5 р.		Лоскут гол. песца . . от 3 до 10 р.	
Секач	10 р.	Бобр I сорта	400 р.
Песец I сорта	35 р.	» II сорта	300 р.
» II сорта	25 р.	» III сорта	200 р.
» III сорта	10 р.	Лоскут бобра . . . от 50 до 150 р.	

Однако, снабжение до настоящего времени остается еще неудовлетворительным. Ограниченнность отпускаемых кредитов не позволяла вести снабжение в широких размерах: продукты высыпаются в самом ограниченном количестве и их с большим трудом хватает до следующего привоза, несмотря на строго рассчитываемый паек. Мануфактура и одежда привозятся нередко очень плохого качества и изнашиваются менее чем в год, старые же запасы теперь совершенно израсходованы. Лесного материала для ремонта разваливающихся зданий и пловучих средств нет совершенно, отопления также не хватает.

В 1924 году приказом № 1 по госпитомнику Командорских островов заместителя уполномоченного народного комиссариата по земельным и имущественным вопросам народного комиссариата земельных и имущественных вопросов население лишается отдельной платы за производимые ими работы, до этого оплачивавшиеся 20—25 коп. в час. Все жители по этому приказу являются служащими питомника и обязаны выполнять все нужные работы, как промысловые, так и хозяйствственные, бесплатно, при чем выполнять работы обязываются не только мужчины, но и члены их семейств, взамен получая паек, состоящий из продуктов довольствия, отопления и освещения. Кроме того, устанавливаются единовременные выдачи одежды, мануфактуры и обуви — всего в крайне ограниченном количестве — и премиальная плата за сданные шкурки зверя в различном размере, в зависимости от квалификации промышленников, разбитых на три категории.

	О. Беринга			О. Медный		
	кат.	II кат.	III кат.	I кат.	II кат.	III кат.
В р у б л я х						
За голубого песца . . .	9 —	6-25	4-50	10 —	7-50	5 —
» белого	20 —	20 —	20 —	—	—	—
» котика	1-20	1 —	— 65	1-20	1 —	— 65

Так как в премиальную плату входят предметы не первой необходимости, то главное значение имеет паек, являющийся весьма недостаточным. Кроме того, цены на привезенные для населения продукты набавлялись совершенно произвольно и исключительно с тем, чтобы стоимостью забранных промышленниками из госскладов товаров были

бы покрыты все подлежащие уплате премиальные суммы, так как средств на острова, а, тем более, на «доплату» сверх посылаемого снабжения не отпускалось. Самая же присылка товаро-продуктов производилась, как обычно, исходя из минимума годовой потребности населения островов.

Только с настоящего года острова, благодаря, главным образом, докладам приехавших оттуда товарищей, привлекают к себе внимание. Проектируется отправка достаточного количества всех необходимых продуктов, товаров, топлива и строительных материалов, что должно улучшить, наконец, экономическое положение алеутов и вывести их из той нищеты и заброшенности, в которой они находятся уже более 10 лет.

В настоящее время производится передача островов в аренду Дальнегорску, для которого, как для предприятия, состоящего на хозрасчете и имеющего достаточные денежные средства, гораздо легче будет покончить с существующими ненормальностями в положении алеутов на Командорах, а с улучшением экономического положения прекратится и вымирание.

Описать типичную внешность командорского алеута трудно, так как эта наружность бывает в достаточной степени разнообразна. Все же можно считать характерными чертами: 1) рост несколько ниже среднего, 2) темная, сильно пигментированная кожа, 3) жесткие черные волосы, 4) черные или карие глаза, 5) маленькие руки и ноги (обувь, посылаемая на острова, почти всегда оказывается слишком велика) и 6) лицо более или менее круглое с несколько выступающими скулами. Почти все алеуты худощавы; тучные среди них представляют большую редкость. Ноги у них нередко несколько короткие и кривые. Борода и усы редкие и жесткие и появляются поздно. Зрение у всех очень острое. Женщины сложены в общем пропорциональней мужчин и некоторые довольно красивы и, как правило, значительно привлекательней для глаза европейца, чем женщины других северных туземных племен.

Характер алеутов веками вырабатывался среди суровой северной природы — в постоянной борьбе с морем и штормами. Немного на всем земном шаре найдется мест с таким плохим климатом, как Командорские острова. Трудность добывания пищи, вследствие частых бурь, делающих невозможным выезд в море на рыбную ловлю и охоту, издавна наложила на этот народ свой отпечаток. Из года в год повторявшиеся весной голодовки создали даже для марта название (на западно-алеутском наречии) «кисагунак», т.-е. «месяц, в который глажут ремни». И теперь командорский алеут очень терпелив и легко переносит недоедание. Даже маленькие дети, полуголодные, совершенно спокойно и молча переносят голод; они не надоедают старшим и терпеливо ждут, когда утихнет море и успокоится ветер, чтобы можно было пойти поймать рыбы или поискать на лайде (полоса земли, обнажающаяся во время отлива) ракушек или морских ежей на обед.

Тяжелые летом и зимой, особенно во время гололедицы, высокие горные перевалы, большие расстояния между поселками, длительные поездки и походы на промысел и на охоту выработали у промышленников громадную выносливость и ловкость. По горам расстояние в 30—40 километров медновский алеут легко пройдет вдвое скорее любого русского, да еще принесет на своей спине килограммов 20 груза, говоря,

что с тяжелым мешком за плечами легче поддерживать равновесие на крутых спусках и подъемах. Также выносливы алеуты и на море: я наблюдал случай перехода с о. Беринга на о. Медный (всего от селения до селения около 100 миль) на шлюпке при встречном ветре, когда гребцы налегали на весла без отдыха 16½ часов беспрестанно. Что же касается ловкости и цепкости, то, я думаю, никто не может сравниться с промышленником, собирающим птичьи яйца по расщелинам в отвесных скалах. Кто может сравниться с алеутом, усевшимся, например, на каком-нибудь выступе скалы над обрывом на высоте нескольких сот метров над морем, когда он размахивает «чиручем» — особым сачком для ловли пролетающих птиц — и ловит последних, как ловят на лету бабочек.

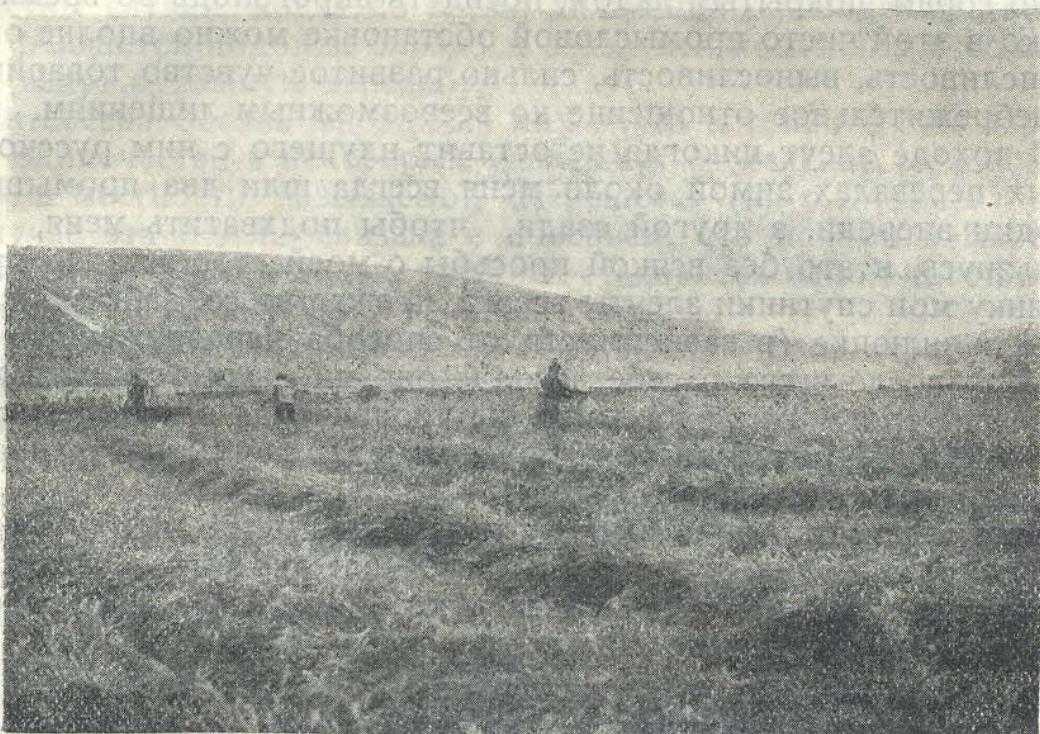
При первом знакомстве с населением Командор в характере алеута, прежде всего, бросается в глаза скрытность и недоверчивость по отношению к русским, особенно к промысловому надзору и всевозможным служащим, приезжающим на острова. Вековая эксплуатация то со стороны различных Компаний, содержавших острова в аренде, то со стороны различных отдельных спекулянтов, теми или иными путями проникавших на острова, то, наконец, со стороны чиновников старых времен, и совершенно бесправное положение при презрительном отношении со стороны европейцев к алеутам, как к дикарям, вполне естественно должны были создать и действительно создали эту замкнутость и недоверчивое отношение. На всякого, высадившегося на острова, алеут смотрит, как на человека, приехавшего в целях обмана населения для личной наживы за счет последнего. Необходимо продолжительное время, проведенное вместе с алеутом, и умелый подход к нему для того, чтобы он отказался от своей замкнутости и начал бы откровенно говорить о своих взглядах и симпатиях; но и здесь достаточно необдуманно сказанной фразы, чтобы он вновь ушел бы в себя и начал давать лишь короткие однословные ответы или повторять: «Вы люди образованные. Вы везде были и все знаете лучше. Вам виднее».

Указанные черты характера вызвали во многих случаях совершенно неверный, можно сказать, извращенный взгляд на жителей Командорских островов среди лиц, пробывших там сравнительно короткое время и недостаточно вдумчиво и внимательно отнесшихся к окружающему, а отсюда получил свое начало и взгляд целых учреждений.

Разноречивые сведения о характере алеутов можно найти и в различных литературных работах, а также в отчетах, посвященных Командорским островам.

В то время, как одни авторы считают, что «алеуты, населяющие острова, не отличаются какими-либо положительными качествами, а, напротив, эгоистичны, трусливы, капризны, как дети, и удивительно ленивы»... «все они — спившиеся алкоголики и при этом поголовно заражены сифилисом, не исключая и детей». Другие, как, например, Е. Н. Суворов, отдают им должное и находят целый ряд привлекательных черт характера и положительных качеств, а известный исследователь и знаток Командорских островов, ассистент Вашингтонского Национального Музея д-р Стейнегер, пишет: «Алеуты развиты, благородны, вежливы и честны... После двадцатимесячного совместного пребывания у меня остались самые приятные воспоминания о них». Лично я вполне присоединяюсь к мнению последних двух авторов.

Алеуты, как и большинство туземцев севера, очень восприимчивы и охотно подражают европейцам, при чем нередко дурное находит себе отклик гораздо скорее, чем хорошее, и можно с полной уверенностью утверждать, что большинство дурных черт характера появилось под влиянием проживавших на островах европейцев. Характерным примером такого рода можно считать любовь к пьянству, появившуюся у алеутов, вследствие спаивания их различными хищниками и спекулянтами. В результате алкоголизм, губящий многие из наших северных народностей, оказывается и на Командорах, где во многих семьях заметны в большей или меньшей степени его последствия.

Сенокос на о. Беринга, в долине р. Каменной (снято в сентябре).

Другим пороком, занесенным сравнительно недавно с материка, надо считать воровство. Правда, в массе алеуты до настоящего времени честны и благородны; они правдивы по отношению к лицам, которые сумели найти к ним верный подход, и всегда можно положиться на обещание алеута и быть вполне спокойным и уверенным в выполнении обещанного. Любому алеуту можно дать на хранение любой предмет и любую сумму денег и все будет возвращено в полной сохранности, кроме, пожалуй, спиртных напитков, которые в двух случаях из трех покажутся слишком соблазнительными.

Однако, за последние 10—15 лет появились случаи воровства, производимого молодыми промышленниками или подростками, при чем в большинстве случаев объектами воровства служат те же спиртные напитки или же съестные припасы, и во многих домах теперь хозяева, уходя, навешивают дверные замки.

В развитии этого порока, по-моему, приходится винить исключительно европейцев, нередко демонстрировавших туземцам, как надо красть пушнину, и надо считать еще удивительным, как воровство не появилось на островах на много лет раньше и не развилось до больших размеров.

Конечно, алеуты, как и все туземцы севера, ленивы и крайне беспечны. Имея небольшой запас продуктов, они мало думают о будущем и многие из них готовы, несмотря на благоприятную для промысла погоду, чуть не целыми днями стоять и смотреть на море и небо. Однако, спешу оговориться, что это не является общим правилом и есть достаточно хороших прилежных работников, особенно на о. Медном. Алеуты не привыкли к однообразию работы; они жарко берутся за дело, но через несколько дней оно им надоедает; работа начинает вестись спустя рукава, и они всячески стремятся как-нибудь от нее отделаться. Единственно, что им не приедается, — это промысел. Надо их видеть во время промысла, сделать с ними тяжелые и опасные переходы по горам, покрытым льдом, посидеть впроголодь во время пурги и только в этой чисто промысловой обстановке можно вполне оценить их терпеливость, выносливость, сильно развитое чувство товарищества и пренебрежительное отношение ко всевозможным лишениям.

В походе алеут никогда не оставит идущего с ним русского. На опасных перевалах зимой около меня всегда шли два промышленника — один впереди, а другой сзади, чтобы подхватить меня, если я поскользнусь, и это без всякой просьбы с моей стороны. По приходе на стоянку мои спутники алеуты всегда, прежде всего, заботились о собаках или шлюпке (в зависимости от способа передвижения), потом обо мне и после всего о себе, как бы они ни были усталы и мокры. Меня всегда трогала их заботливость, проявляемая в походе в равной мере к лицам промыслового надзора, приезжавшим иностранцам или к рядовым матросам наших судов.

Алеуты не скоро привыкают к новым людям, но, привыкнув к кому-нибудь и полюбив его, они будут крепко держаться своей привязанности и не скоро изменят свои взгляды, а человека, оставившего хорошую память, будут вспоминать еще очень долго.

Особенно преданы промышленники интересам своего общества: всякое постановление общего собрания будет неукоснительно выполняться всем населением; а все речи, имевшие место на собраниях по мало-мальски щекотливым вопросам, держатся в строгом секрете от «посторонних», и каждый участник предпочтет солгать, нежели сказать то, что, по его мнению, может повредить всему обществу или одному из его членов.

Как у алеутов можно наблюдать вместе и леность и способность упорно и тяжело работать под ряд значительное число часов, точно так же в них одновременно уживаются две такие взаимно противоречащие черты характера, как смелость и трусость.

Алеуты боятся своего начальства; они не решаются говорить на собраниях, нередко не решаются идти к своему начальнику откровенно рассказать ему про свою нужду из опасения, что он рассердится и что в дальнейшем это вызовет те или иные неприятности. Напротив, в море, во время шторма, или зимой, на обледенелых скалах, при перевалах через высокие горные хребты, алеут очень отважен и борется с природой, не теряя присутствия духа в самые тяжелые моменты. Один раз я находился в шлюпке с алеутами, которую штормом уносило от берегов острова в океан и уже начало заливать. В это время ни одной минуты не наблюдалось ни малейшего замешательства, все распоряжения рулевого исполнялись быстро, точно и отчетливо, несмотря на то, что команда состояла исключительно из молодых промышленников 18—23 лет. Неоднократно также приходилось мне наблюдать промыш-

ленников во время подъемов и спусков по почти отвесным скалам, когда каждое неверное движение грозило смертью, и меня постоянно поражала отвага и даже дерзость, с которой они выбирали себе дорогу, стараясь показать свое удальство друг перед другом.

Во время русско-японской войны алеуты, руководимые надзорителем Лукиным-Федотовым, энергично защищают острова от налетов японских хищнических шхун и выдерживают на Медном целый ряд боев, в которых принимает участие все способное носить оружие население острова. Женщины и дети в это время носят бойцам патроны и пищу.

Без хорошего руководителя, однако, алеуты нередко теряются, и известны случаи, когда во время дальнейших нападений хищников они не решаются подойти близко и захватить последних и только издалека ведут ружейную стрельбу.

Интересна боязнь многих из них спать в темноте или переночевать в одиночестве в некоторых удаленных от селений юрташках, например, в местности, называемой «Перешеек» (на о. Медном). В данном случае эта боязнь связана с поверью, что ночами в Перешейке появляется какой-то великан, который становится одной ногой на одну гору, а другой на другую и начинает кричать.

На каждом острове имеется в селениях по одной церкви, при чем все церковные службы, равно как и некоторые трябы — крещенье, отпевание покойников, свадьбы — выполняет кто-либо из алеутов, специально выбранных для исполнения такого рода обязанностей.

Все мало-мальски значительные церковные праздники население почти поголовно надевает свои лучшие костюмы и идет в церковь, а при переходе через пролив почти каждый промышленник надевает под одежду на грудь икону.

Алеуты очень не любят рассказывать о своих верованиях и легендах, и большей частью только случайно удается узнать от них то или иное интересное поверье. При слишком же настойчивом расспрашивании они обычно уходят в себя, замыкаются и стараются отделаться заявлением о незнании. Только после нескольких дней, проведенных вместе в условиях зимнего промысла, когда вы на равных с ними условиях разделяете опасные длительные переходы и промысловую жизнь, полную лишений и риска, алеут теряет свою молчаливость и вечером, прийдя в юрташку, поужинав и напившись чаю, садится у огня и, принявши за починку торбазов или набивку патронов для охоты следующего дня и закурив свою трубку, начинает рассказывать о промыслах, своих поездках и приключениях или передавать рассказы стариков. Но, слушая рассказы, вы должны помнить, что каждый алеут очень самолюбив и, высказав какое-либо недоверие или сомнение в его словах, рискуете в дальнейшем не получить от рассказчика ни одной интересующей вас подробности.

Алеуты были очень недовольны посетившим острова Е. К. Суворовым, который поместил в своей работе их характеристику и, между прочим, легенду о карликах «челакекан», живших, согласно этой легенды, на о. Медном близ селения Корабельного. Теперь на вопрос об этих карликах алеуты скептически улыбаются и говорят: «мало ли чего болтали раньше», а между тем многие из них и по сие время верят в существование таких карликов.

В чем большинство жителей глубоко убеждено — это в появлении на островах каких-то «беглецов», и некоторые мужчины и женщи-

ны в минуты откровенности говорили мне, что сами встречали где-либо в горах или на побережье никому неизвестного таинственного человека, быстро исчезавшего в тумане. Этих «беглецов» на островах очень боятся, особенно женщины. Мне не удалось узнать других подробностей, но я думаю, что эта легенда проникла на Командоры с Алеутских островов и сохранилась от того времени, когда небольшие партии, состоявшие большей частью из молодых мужчин, напуганные жестокостью первых завоевателей в начале XIX столетия, уходили в почти недоступные места острова, где и жили, иногда похищая молодых алеутов из селений, чтобы увеличить свои партии.

Из других, слышанных мною, поверий заслуживает упоминания мнение о том, что на о. Беринга в бухте Командор, где находятся могилы самого Беринга и его спутников и остатки их землянок, «зарытые цынга», и что все, кто пытался раскапывать эти землянки с целью достать бусы и бисер, которые там можно найти в небольшом количестве, непременно заболевали цынгой.

Распространена на Командорах и вера в силу талисманов. Мне пришлось один раз видеть талисман, называемый алеутами «чикмах» и считавшийся среди них весьма редким и ценным даже в древнейшие времена. Этот талисман имеет скжато-яйцевидную форму, величиной равен лесному ореху, белого цвета с несколькими узкими бледно-желтыми поперечными полосками; внутри — пустота, в которой перекатывается какое-то зернышко, как дробинка в детской побрякушке. Я склонен думать, что это плод какого-нибудь растения, принесенный волнами на острова. Несмотря на все мои уговоры, владелец отказался продать его мне или обменять на какой-нибудь ценный предмет.

Считается, что «чикмах» приносит промышленнику большое счастье, особенно при охоте на бобров; «чикмах» всегда берется с собой на промысел, при чем помещается в специально выдолбленные для этого углубления в поплавках бобровых сетей. Обращаются с ним бережно и аккуратно, всегда кладут в чистое место и стараются без нужды «не беспокоить». Он настолько редок, что многие молодые алеуты ни разу его не видели, и, насколько я знаю, на островах имеется такой талисман только в единственном экземпляре. Белый «чикмах» считается мужским; старики мне говорили, что бывает красный — женского пола. По прошествии нескольких лет или при невнимательном к нему отношении «чикмах» будто бы сморщивается, умирает и теряет свою силу.

От древних религиозных воззрений, и, в частности, от существовавшего культа ворона, в настоящее время остались лишь слабые следы в некоторых из алеутских сказок. Последних у командорских алеутов много, при чем некоторые из них сохранились с весьма древнего времени, как, например, сказка о происхождении бобров, записанная Вениаминовым еще в начале прошлого века. Вот ее краткое содержание:

У одного знатного алеута было двое детей, сын — уже ловкий и искусный молодой промышленник и красавица дочка — еще подросток. Когда девушка достаточно выросла, по обычаям ее заперли в отдельной юрте, куда к ней могла приходить только ее служанка. Ночью к ней пришел какой-то молодой человек и просил ее отаться ему, но, получив отказ, овладел ею силой. Когда он выползал из юрты, девушка схватила нож и перерезала ему сухожилия на ногах.

На утро она узнала, что ее брат, ходивший на охоту, упал с утеса, порезал о скалы себе ноги и разбился на смерть.

Девушка, догадавшись, кто у ней был ночью, обезумела, надела свои лучшие одежды, разукрасилась и пошла в юрту, где лежал покойник и где горевали все родственники; там она разорвала спереди на себе одежду и, распахнув ее, стала подходить к брату с пением заклинанья, в котором приказывала ему встать. В первый раз покойник пошевелил пальцами, во второй — у него заиграл на щеках румянец, а в третий — он вскочил и стал обнимать свою сестру. Последняя, чтобы спастись от объятий брата, бросилась убегать, а он погнался за ней. Добежав до обрывистого берега и видя, что брат ее нагоняет, она бросилась в море, а за ней устремился и ее преследователь.

Прибежавшие люди увидели, как в море, взамен брата и сестры, появились два бобра. С этого времени и появились бобры в море.

Имеются и другие сказки, описывающие происхождение также от людей касаток, песцов, хищных птиц и т. п.

Большинство сказок носит яркое отражение древнего быта алеутов, их нравов, обычая, образа жизни и поверий. Ниже привожу сказку о черном вороне, записанную алеуткой о. Медного Екатериной Александровной Снегиревой, при чем я только слегка изменил форму изложения, придав ей несколько более литературный вид, стараясь держаться везде возможно ближе к подлиннику.

«Жил-был ворон. Жил он одинокий и угрюмый на скале высокой. Много лет так сидел он; надоело ему скучать и улетел он со своей скалы. Много ли, мало ли времени летел он, но, наконец, увидел внизу под собой юрту, а около юрты этой сидят старик со старухой. И подумал ворон — может быть, это люди добрые и помогут мне, и запел он песню про скучную жизнь свою. Услышали его старики, пожалели и предлагают свою помощь. Обрадовался ворон и посыпает старииков посватать ему красавицу, а старики торгаются с ним и говорят: «Посватаем мы тебе красавицу, если ты доставишь нам на берег живого кита». Согласился ворон. «Приведите, — говорит, — красавицу, а не приведете ее мне и кита вам не видать».

Пошли старики веселые в надежде кита получить; пришли к дому, заходят в него, а там у окошка сидит женщина грустная, печальная и держит на руках своих ребенка.

Подходят к ней старики. «Красавица», говорят, «мы тебя сватать пришли». Испугалась молодая женщина, отвечает им: «Как же вы сватаете меня, когда я замужем и не могу за другого мужа итти?» Сколько ни умоляли ее старики, сколько ни просили — ничего не вышло у них, и воротились они домой грустные, со слезами на глазах.

Возмутился ворон отказом женщины, сам решил отправиться к ней. Прилетел, сел на крышу юрты и говорит: «Красавица, сердце мое, осчастливь мою жизнь». А женщина, услыхав сильный мужской голос, подумала, что муж ее приехал, бросилась во двор, осматривается кругом, ищет — нет никого, только ворон один сидит на крыше. Зашла она обратно в дом, взяла ребенка на руки и говорит ему: «Сыночек мой, мне почудилось, что твой отец вернулся; наверное, теперь уже скоро вернется он, уже много времени прошло, как он покинул нас. А ворон, тем временем, снова кричит с крыши: «Душа моя, выходи за меня замуж — будешь счастлива со мной». Испугалась женщина и вспомнила старииков, сватавших ее недавно, снова выходит она во двор, оглядывается — кругом нет никого. Говорит она тогда громко: «Пусть

знает тот, кто за меня сватается, что он дурак; ведь я говорила уже, что замужем, и ребенок есть у меня от моего мужа. Никогда я больше не выйду замуж. Оставьте меня в покое». А сзади ее голос слышен: «Не оставлю тебя в покое, пока своего не добьюся. Умер давно твой муж, и я буду тебе вторым мужем».

Страшно стало женщине, и просит она показаться того, кто говорит с ней. А ворон говорит ей: «Согласись сперва, а потом я покажу себя тебе». Обернулась женщина назад на голос, никого не увидела, кроме ворона, и заболело у нее сердце, и говорит она: «Не видев тебя, как я могу согласиться? Покажись мне и буду тогда согласна». Ворон, обрадованный этими словами, подлетел к ней, говорит: «Я муж твой, а ты моя жена. Я — благородный ворон». Еще больше прежнего испугалась женщина, спрашивает: «Это ты, чортов ворон, сватаешь меня?» Отвечает ворон: «Да, и сегодня вечером мы будем летать у берега моря». Ахнула женщина, взяла полено и ударила им ворона по голове, и упал ворон без памяти.

Много ли, мало он лежал, но, наконец, очнулся, улетел к старикам и говорит им: «Пригоню я вам живого кита на берег, а вы пригласите к себе на китовый праздник всю деревню, а ту женщину не приглашайте, — она сама придет, но вы не давайте ей ни одного кусочка».

Встали старики на другой день рано утром, идут на берег и видят: живой кит лежит на берегу. Обрадовались они, бегут, собирают на праздник всю деревню, только ту женщину не приглашают. Обиделась женщина, но все-таки пошла незваным гостем на праздник и своего ребенка взяла с собой.

Пришла она, видит: все празднуют, едят, а ее только отталкивают и ничего не дают ей. Села она в стороне с ребенком на руках, плачет, просит дать ей хоть один кусочек, а вместо куска бросили ей только камень, жирный от сала китового. Дала она этот камень сосать ребенку, а сама сидит голодная. Вдруг видит: над ней черный ворон летает, то поднимается, то опускается.

Испугалась она, бежать хотела, но уже поздно было. Схватил ее ворон когтями за волосы и полетел с ней над морем. Закричала женщина от страха, но ребенка не бросила, а крепко к себе прижала.

Долго летал с ними ворон, прилетел на самый последний камень, обнажившийся во время отлива далеко в море, и оставил на этом камне женщину и ребенка голодных и замерзших. Просидели они на камне до вечера, а вечером прилив начался, скоро море дошло уже по пояс женщине. Поднимает она ребенка в руках все выше и выше, и море тоже поднимается, уже до шеи ей доходит.

Видит она, что не спасти ей ребенка, подняла глаза кверху, а над ней ворон летает и насмехается. Стала женщина просить его спасти их, а ворон спрашивает: «А ты будешь моей женой?»

Ради ребенка своего согласилась женщина стать женой ворона, и он, счастливый, опять берет ее когтями за волосы и летит с ней над морем. Вдруг увидел ворон, что женщина крепко держит своего ребенка, схватил он его клювом, оторвал от матери и бросил, а мать, увидев, что ее ребенок падает в море, потеряла сознание.

Между тем ворон летит с ней и летит, прилетает к обрывистой скале, ведет ее в свою пещеру и живет с ней там.

Женщина скучает по своему мужу и сыну, а ворон, счастливый, каждый вечер постилает ей постель, левое крыло на постель подстилает, голову к ней на подушку кладет, а правым крылом закрывает ее».

Как характерную черту, можно отметить, что почти все алеутские сказки, в противоположность русским, имеют грустный или трагический конец.

Алеуты очень музыкальны, они обладают хорошим слухом и любят петь. При наличии хорошего руководителя, на о. Медном в 1924—25 г. г. был организован хор, выполнивший вполне удовлетворительно даже оперные арии. Песни поются как старые, чисто национальные, на алеутском языке, так и новые, русские, привезенные с материка в последнее время.

Норники — голубые песьцы в руках у алеута С. Аксенова.

Многие алеуты обладают способностью к живописи и недурно рисуют красками; у большинства прекрасный почерк.

Танцы на островах принятые те же, как на Камчатке: восьмерка, кадриль. Древний национальный алеутский танец теперь помнят только старики, и о нем я знаю только из их рассказов. Он исполнялся 3—5 мужчинами, одевавшимися в особые костюмы, сшитые из нерпичьих шкур, и изображал боевые и охотничьи приключения какого-нибудь знаменитого промышленника; танцующие во время исполнения этого танца пели про военные подвиги или охоту изображаемого ими лица. Танцу аккомпанировал оркестр, состоявший из особого рода барабанов или бубнов из нерпичьих или котиковых шкур. Исполнение

этого танца продолжалось 3—4 часа, при чем танцующие все время сменяли один другого.

Из числа распространенных на островах игр следует упомянуть «каканах», шахматы и городки. Последняя из них ничем не отличается от принятой на материке.

«Каканах» (игра в камешки) заключается в следующем: в двух противоположных концах комнаты, на расстоянии 10—15 шагов, на пол кладутся небольшие специально сшитые тюфячки или постилается сложенная в несколько раз толстая материя. На каждую такую подстилку помещается жестяной кружок, равный по величине медному пятаку. Играют две партии, состоящие каждой из двух игроков. Играющие становятся на одно колено по бокам подстилки, при чем у каждой подстилки помещается по одному игроку из противных партий. Каждый из них получает по 5, украшенных узором, шашек, сделанных из моржевой кости; шашки одного игрока отличаются своим узором от шашек другого. Затем они бросают по очереди свои шашки, стараясь попасть на кружок, лежащий на подстилке в противоположном конце помещения и сбить с подстилки шашки противника. Игроку, шашки которого окажутся на металлическом кружке или ближе к нему, чем шашки его противника, засчитывается известное число очков, затем бросают шашки два других игрока. Выигрывает та партия, которая первая успеет набрать сто очков.

Шахматы распространены среди алеутов со временем знакомства их с русскими, и на островах имеются очень недурные шахматисты. Игра отличается от общепринятой, во-первых, расстановкой фигур, а во-вторых, тем, что ферзь по диагонали имеет право ходить только на одну соседнюю клетку. Шахматы нередко изготавливаются самими промышленниками.

Алеуты очень охотно принимают участие в различных играх и спортивных состязаниях: стрельбе, беге, катании на лыжах, гонках на шлюпках, метании стрел и т. п., устраивающихся во время различных революционных праздников.

Около участников состязаний всегда собираются все наличные обитатели селения, криками поощряют удачные номера и сопровождают смехом, шутками и оживленными остротами различные неудачи или комические положения.

Алеуты, особенно медновцы, легко входят в азарт во время имевших место состязаний. На аукционах они набивают цену выше стоимости самих предметов, предлагаемых к продаже; на охоте, промысле и рыбной ловле каждый стремится добыть больше, чем другие. Также и в хозяйственных работах, особенно, когда две партии ведут одинаковую работу, каждая партия старается, насколько может, сделать скорее и лучше, чем другая. Следует отметить, что и в любви они бывают страстны и ревнивы. Хотя обычно отношения между половами и достигают большой степени свободы, но мне известен случай, когда промышленник из ревности всегда брал с собой на охоту или промысел свою жену, если же ему приходилось уходить одному, запирал ее в своем доме.

В свободное от промысловых занятий время года, особенно во время продолжительных зимних пург, население Командорских островов бывает вынуждено целыми днями сидеть в домах и в некоторых случаях обрекается почти на полное безделье.

При наличии нужного материала, наиболее трудолюбивые из жителей занимаются кое-какими кустарными ремеслами, имевшими широкое распространение на островах лет 50 тому назад. Женщины охотно занимаются вязаньем, изготавливают из стеблей диких злаков изящные корзинки и приготовляют различные предметы из безделушки из выделанных шкур, горл и кишек сивучей и котиков и шкурок топорков. Важное практическое значение имеет шитье из выделанных кишек сивуча так называемых «камлеек»—длинных непромокаемых рубашек с капюшонами. Камлейка, вследствие того, что она легка, тепла и непромокаема, незаменима при климате Командор и составляет несбходимую часть промыслового костюма; она шьется преимущественно жилами морского зверя двойным швом, называемым на Камчатке «алеутским швом» и славится на материке своей работой. Эти работы, главным образом, развиты на о. Медном, где особенно распространено вязанье. Вяжут почти все: и взрослые женщины и девочки, нередко не расставаясь со своей работой ни дома, ни в гостях.

Мужчины вырезывают простыми ножами из мягкого камня, находимого на берегу, фигурки различных промысловых зверей и птиц, в большинстве случаев удивительно верно схватывая их позы, часто гораздо вернее, чем мы видим изображения в каком-нибудь специальном труде или руководстве по зоологии. Все такие фигурки алеут делает не считаясь с затраченным временем и со всеми доступными ему старанием, тщательностью и изяществом.

К сожалению, все эти кустарные работы постепенно начинают забываться, и если в ближайшее время не будет оказана помощь в виде доставки материалов и организации сбыта, то вскоре большая их часть будет совершенно забыта, и о них останутся одни воспоминания в литературе, посвященной алеутам.

Изготовление «парок»—особой верхней одежды, которая шилась в виде длинной мужской рубашки, только без разреза, из шкурок топорков, ипаток и некоторых других птиц, теперь хорошо помнят только очень немногие старухи, и точно также только немногие старики сумеют изготовить настоящие «бобровые стрелки» и дощечку для их метания, применявшуюся при охоте на бобров.

В старину славились алеутские байдарки—небольшие челноки, обтянутые шкурами сивучей или нерп. Эта обшивка надевалась на остов байдарки, сооруженный из шестов и палочек, связанных волокнами китового уса. Сверху оставлялся люк, в который может сесть промышленник. Вокруг люка прикреплялась обтяжка из сивучьих кишек или горл. Этую обтяжку пловец затягивал при помощи шнурков вокруг своего пояса, чтобы в байдарку не попала вода.

Такие байдарки, по свидетельству алеутов, были так легки, что их мог нести семилетний ребенок, так быстры, что не отставали от птиц, и так узки и острокильны, что без седока не могли держаться на воде.

Одетый в камлейку и деревянную шапку, вооружившись двухлопастным веслом, алеут садился в свою байдарку и, стянув обтяжку, не боялся ни ветра, ни волн, как бы они сильны и свирепы не были. Алеут на байдарке, как игла, проскачивал сквозь волны.

Теперь байдарки, с разложенными на носовой части их, окрашенными в красный цвет, бобровыми стрелами, отошли уже в область преданий.

Только в изготовлении промысловой обуви и одежды сохранилось еще старое алеутское мастерство. И надо сознаться, что все эти камлейки, торбаса (промысловая обувь) и т. п., выработанные многими веками, практичны, целесообразны и удобны, и никакие резиновые сапоги или патентованные дождевики их не смогут заменить.

Алеуты дорожат похвалами и очень самолюбивы: лучшее средство заставить алеута выполнить добросовестно какую-либо работу, это сказать ему: «конечно, эта работа трудна и ее вряд ли здесь кто-нибудь сумеет выполнить, но вы, я уверен, сделаете ее очень хорошо, лучше, чем кто-либо». Здесь алеут из кожи будет лезть, чтобы действительно доказать, что лучше его никто данной работы сделать не сможет.

Хотя командорские туземцы и очень хорошо знают своих зверей, их привычки, промысел и пр., однако, в некоторых случаях замечается известное преувеличение ими своих знаний. Безусловно, с детства находясь среди песцов и котиков, алеут приобретает много сведений, относящихся к зверям и их промыслам, но и русские, находясь продолжительное время на островах, получают достаточное количество знаний, а при более высоком умственном развитии могут нередко отнести более критически к наблюдаемым фактам и на их слова, в таком случае, приходится полагаться больше, чем на слова жителей, нередко допускающих существенные ошибки. Примером могут служить произведенные в 1924 году подсчеты котиков на всех лежбищах о. Медного. Предварительно производился с ближайших гор глазомерный подсчет зверя отдельно наблюдателями — алеутами, с одной стороны, и мной и присутствовавшим промысловым надзирателем, с другой. Цифры записывались, после чего мы спускались на лежбища где производили поголовный подсчет зверя, пропуская его мимо специально поставленных счетчиков.

Во всех шести случаях мои предварительные цифры оказались ближе к истине, чем цифры алеутов.

Убеждение в том, что он изучил абсолютно все о своих зверях, дает алеуту преувеличенное мнение о своих знаниях в этом отношении, заставляет его недооценивать важность точного наблюдения и необходимость постоянной работы для совершенствования и расширения своих знаний.

К самим зверям алеуты относятся, главным образом, как к источнику своего заработка; но особенно любовного отношения к ним, которое наблюдается к домашним животным, у алеутов не замечается. К песцам, живущим в селении, жители относятся недоброжелательно и нередко бывают не прочь запустить в них камнем за похищение кур или провизии из оставленной незапертой кладовой или кухни.

Говоря о характере алеутов, необходимо иметь ввиду, что их умственный кругозор в большинстве сравнительно сильно ограничен, вследствие замкнутости жизни на островах. Алеут имеет очень слабое и далекое от истины представление обо всем остальном мире, единственной связью с которым для него служит заходящий на острова 2—3 раза в год пароход, а самое представление об этом «заморском» мире складывается на основании привезенного ассортимента товаров да из рассказов бывалых людей. Впрочем, рассказам доверяют не

вполне и считают, что всякий рад немного приврать, для красного слова. Очень долго не верили алеуты в существование аэропланов, телефонов, в то, что можно говорить по радио и т. п. В 1923 году хотя радио-станция была уже поставлена и работала целых полгода, многие считали, что все получаемые телеграммы фабрикуются радиотелеграфистом, сидящим в кабинке. Только прилет трех американских гидропланов в 1924 году и установка в 1925 г. телефонов в селениях породтили недоверчивость алеутов и убедили их в могуществе техники.

Алеут считает, что он великолепно знает острова и промысла и что учить делу может только он один, привыкнув с детства к своей работе. Отсюда вытекает то недоброжелательное отношение ко всяким новшествам, которое резко заметно на протяжении целого ряда лет. Особенно сильно оно выражается в случаях, когда приезжающие на острова держат себя свысока и слишком разграничивают алеутов и русских. Достаточно сделать эту ошибку, и в дальнейшем бывает уже трудно найти общий язык. Но отнеситесь к тому же алеуту дружески, поставьте его на равную ногу с собой, похвалите его за то, что он хорошо знает, и вам легко удастся доказать вашу правоту, а в дальнейшем получить очень ценные советы.

В настоящее время командорские алеуты являются государственными служащими и получают вознаграждение натурой. Они обязаны выполнять все необходимые промысловые и хозяйственные работы. Получаемые же товаро-продукты распределяются месткомами промышленников на обоих островах между всем наличным населением, согласно особым, ежегодно вырабатываемым, в зависимости от количества привезенных товаров, нормам.

При существовавшей до 1924 г. денежной оплате труда, для содержания старииков, сирот, вдов и больных выделялся особый 10% фонд. Этот порядок содержания нерабочей части командорских алеутов в том или ином виде было бы целесообразно сохранить и на будущее время. Нормы государственного социального обеспечения вдов, старииков и калек на Командорах, где эта категория населения определяется всего лишь в несколько единиц, не потребует какого-либо особого напряжения средств.

Основным занятием алеутов на Командорских островах является проводимый государством промысел ценных пушных зверей: морских котиков, голубых песцов и морских бобров и связанная с этим промыслом охрана зверя от хищников, а также все относящиеся к зверовому хозяйству работы.

Самое производство промыслов неоднократно детально описывалось в специальных работах, посвященных этому вопросу, и здесь я не имею в виду останавливаться на этих моментах: тем не менее я хотел бы лишний раз подчеркнуть, что только во время чисто промысловой работы можно вполне оценить командорского промышленника-алеута. Здесь алеут в своей среде и проявляется во всю. С детства живущий среди своих зверей, привыкший все вопросы своего благосостояния и даже существования связывать с количеством зверя и с удачей или неудачей промысла, превосходно изучивший свои острова с их суровым и коварным климатом, умеющий ориентироваться в местной

обстановке на тундре, в высоких горах, постоянно покрытых туманом, среди волн бурного моря,—он является на островах совершенно незаменимым. Во время промысла он забывает свою лень и беспечность, делает громадные переходы по карнизам, нависшим над пропастью, зимою — оледенелым, едва находя место, где поставить ногу, постоянно рискуя сорваться в пропасть и погибнуть, работает с охотой чуть не по 20 часов в сутки и не теряет хорошего расположения духа, хотя нередко бывает принужден пытаться исключительно тем, что выбросит ему море.

Таково большинство алеутов на о. Медном, таковы многие и на о. Беринга.

Хищническую добычу пушнины алеутами, вызванную полной необеспеченностью жителей и распространенную в годы голодовок и отсутствия на островах топлива и товаров, теперь можно считать прекратившейся, и при дальнейшем улучшении экономического положения населения можно быть уверенным в том, что она больше не возобновится.

К сожалению, в связи с общим уменьшением убоя зверя, среди алеутов замечается некоторое падение промысловых навыков: старики и пожилые потеряли уже быстроту и ловкость, которой они отличались 15—20 лет тому назад, а молодые не могут достичь совершенства, легко приобретавшегося раньше при широком масштабе промысловых работ в годы расцвета хозяйства.

Медновские алеуты очень хорошие моряки, смелые и осторожные в одно и то же время. Шквалы, неожиданно с громадной силой срывающиеся с гор, приучили алеутов к большой осмотрительности и внимательности; они неохотно отходят далеко от берега, и то только при тихой погоде; переходят от мыса на мыс, пересекая бухты, и сразу же опускают парус при небольших шквалах, но когда их застанет в море штурм, они никогда не теряют хладнокровия, присутствия духа и решительности, превосходно лавируя на волне и в бурунах, и в любую темную ночь или в туман всегда сумеют пробраться между береговых рифов. Переходы через проливы с острова на остров (больше 30 миль самое узкое место и 105 миль между селениями) всегда привлекают много желающих ехать, и каждый алеут с гордостью рассказывает, сколько раз он сделал этот трудный переход.

Идя с медновскими алеутами на маленькой шлюпке, можно быть уверенным, что и время для пути будет выгадано, и путешествие закончится благополучно.

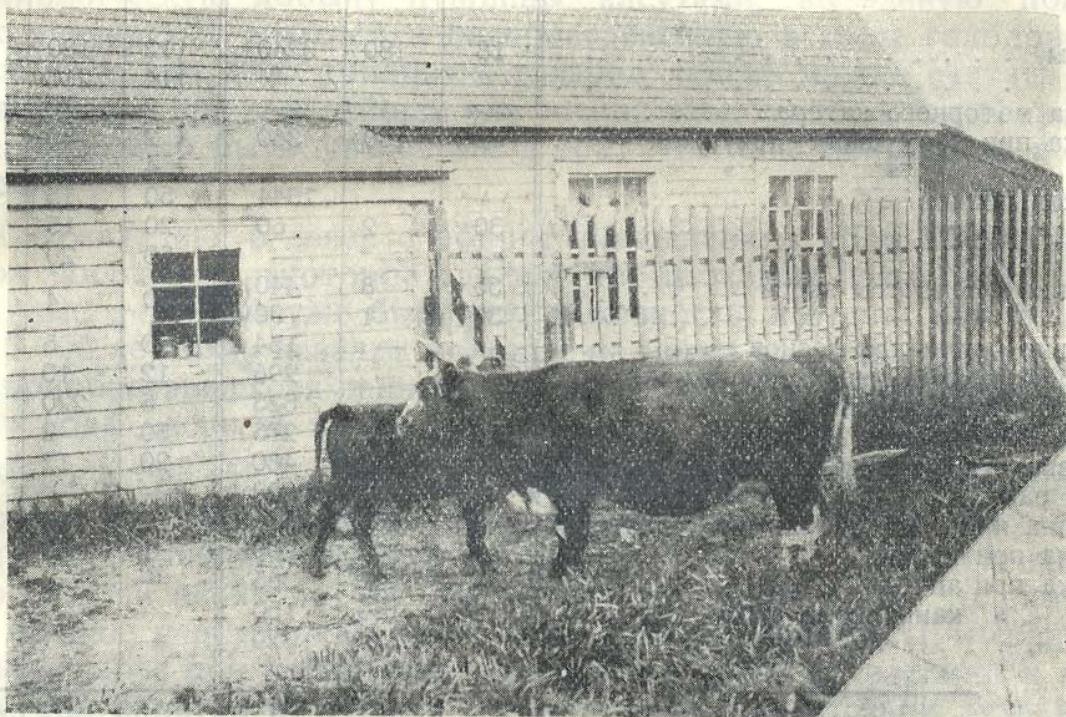
Капитаны судов охотно берут алеутов в качестве матросов, и несколько промышленников успели таким путем побывать и в Японии, и в Америке, и даже во Франции. Эти далекие путешествия среди развитого и видевшего виды морского люда в значительной степени расширили кругозор алеутов, которые уже от «своих» узнали о других землях.

Многие предполагают, что работы отнимают у населения ничтожное количество времени и что алеуты всю свою жизнь в сущности являются пенсионерами государства. Этот взгляд может быть объяснен слишком малым знакомством с островной жизнью лиц, имевших возможность бросить на острова лишь поверхностный взгляд, и неправи-

ленника временно прекратить промысел и, выжидая, сидеть целый день в юрташке.

Тем не менее, мы должны принять, что алеуты-промышленники Командорских островов работают в год до 190 дней по 6 часов, поэтому некоторые имеющиеся в литературе указания о работе их всего лишь в течение 30—40 дней совершенно не соответствуют действительности.

Все работы распределяются очень неравномерно по временам года, при чем особенно сильно бывают заняты месяцы, совпадающие с промыслом зверя и рыбы.

Коровы в с. Никольском на о. Беринга.

Подготовка к песцовому промыслу — подкормка песцов в кормушках-ловушках — начинается с конца октября — начала ноября. В первой половине декабря начинается самый промысел, иногда продолжающийся почти до конца января. Промысел бобров происходит в марте — мае, а котиков в июне — августе. Охранная служба начинается с 1 апреля и заканчивается к 1 ноября.

Можно составить следующий календарь основных работ промышленников-алеутов по Командорским островам:

Декабрь, январь — промысел песцов.

Февраль — подкормка песцов, ремонт пловучих средств.

Март — промысел бобров, ремонт пловучих средств.

Апрель — промысел бобров, охранная служба.

Май — охранная служба. Подсчеты котиков.

Июнь — охранная служба. Подсчеты котиков.

Июль — охранная служба. Подсчет котиков и их промысел. Подсчет песцов.

Август — охранная служба. Подсчет котиков. Заготовка корма для песцов.

Сентябрь — охранная служба. Подсчет котиков. Заготовка корма для песцов. Завозка по постам на зиму запасов отопления, освещения и продуктов.

Октябрь — охранная служба. Подсчет котиков. Начало подкормки песцов.

Ноябрь — подкормка песцов.

Различные хозяйствственные и ремонтные работы производятся в течение круглого года. Рыбная ловля и охота на птицу относятся, главным образом, к апрелю — июлю. Следовательно, весь годовой цикл труда алеутов занят работой промысловой и подготовительной к промыслам.

В 1922 году был поднят вопрос о выселении излишнего количества жителей с Командорских островов, вследствие того, что для ведения промыслов можно было бы вполне обойтись почти половинным количеством рабочих.

Этот вопрос неоднократно обсуждался в печати и различных докладах и комиссиях, многими лицами, при чем как количество подлежащих выселению, так и место, куда их выселять и условия переселения, менялись много раз. Одни предлагали их выселять в какое-либо место восточного побережья Камчатки, другие — расселить отдельными семьями между русскими и камчадалами, трети считали наиболее целесообразным переселение на Шантарские или Карагинский острова, наконец, четвертые предлагали отправить выселяемых алеутов в Приморье.

Вопрос так и остался неразрешенным из-за финансовых затруднений, потому что переселение алеутов и водворение их на новом месте требуют значительных единовременных затрат на перевозку, сооружение домов для выселяемых и снабжение их продуктами и всем необходимым на первое время по прибытии на новое место жительства.

Все эти предложения имеют целый ряд возражений по существу.

Командорские острова являются единственным местом, хорошо известным алеутам, и кажутся многим из них лучшим местом на земле, а выселение — самым жестоким наказанием, которое ставит алеута перед полной неопределенностью его дальнейшей судьбы. Он родился и вырос на островах, с ними связывает всю жизнь и только на них может довести до максимума производительность своего труда.

Привезенные в другое место, неприспособленные к новым условиям существования, выселенные жители Командор потребуют больших и особых забот о себе и, главное, материальной поддержки. Кроме того, если в настоящее время оставить на Командорах только самое необходимое количество рабочих, то при дальнейшем развитии звероводного хозяйства, которое может при благоприятных условиях пойти быстрым темпом, неизбежно потребуется через несколько лет ввезти известное количество новых рабочих, т. к. на сколько-нибудь заметный прирост оставшегося населения, без прилива новых сил со стороны, рассчитывать не приходится. В случае же, если на острова будут посланы рабочие с материка, то последние окажутся совершенно не подходящими к местным своеобразным условиям, или же, начав постепенно приспособляться к местной жизни и промыслам, не выдержат существования в сыром, суровом климате, при полной заброшенности среди бурного океана и, несомненно, будут стремиться к возвращению обратно на материк.

Кроме отмеченного, при переселении алеутов на материк надо учесть опыт прошлого, а именно попытку поселения алеутов у м. Желтого, а также отправку 40 человек в Уку и их печальную судьбу, когда, как упомянуто выше, в течение семи лет погибло 75% переселенцев. А потому от выселения, как такового, следует категорически отказаться.

Конечно, не исключается возможность привлечения алеутов, как рабочей силы, на другие островные хозяйства, например, на остров Карагинский, что будет вполне целесообразно, например, при перевозке туда с Командорских островов голубых песцов.

Собственной письменности у командорских алеутов не существует, и они пишут и читают по-русски. В дореволюционное время на обоих островах были церковно-приходские школы; теперь грамотность взрослого населения определяется в 65%. Последнее время (с 1917 г.) регулярных занятий в школах не производилось. В некоторые зимы сотрудники промыслового надзора сами организовывали занятия с детьми, пользуясь старым запасом учебников и учебных пособий, но чаще занятия не производились совсем. Только в 1924/25 г. на о. Беринга был командирован Камчатским губернским отделом народного образования учитель, который и вел там занятия. На Медном и в 1924/25 г. занятия велись промнадзором. Взрослые алеуты — и мужчины и женщины — вполне сознательно относятся к значению школы, охотно посылают учиться своих детей и сами прилежно посещают всевозможные собрания и лекции; у них заметно большое стремление учиться и в частности ликвидировать на островах неграмотность.

Многие из молодых алеутов мечтают о поездке на материк для продолжения своего образования, но выезду с островов мешает отсутствие средств. Однако, один из молодых промышленников о. Беринга уже второй год обучается во Владивостокском государственном университете на рабфаке, а другому удалось, хотя и с трудом, выехать с о. Медного летом 1925 г., вызвавшись сопровождать партию голубых песцов, отправленных на Шантарские острова. Этот промышленник добрался до г. Николаевска на Амуре, а оттуда Дальбюро ВЦСПС, при посредстве Комитета содействия северным народностям, отправило его учиться в Ленинград.

Среди алеутских женщин стремление к образованию немногим меньше, чем у мужчин, и они также охотно посещают всевозможные собрания, политчасы и лекции, устраивающиеся на островах, и участвуют в любительских спектаклях.

Хотя успехи детей и являются вполне удовлетворительными, все же приходится отметить их вялость и крайне узкий кругозор, по сравнению с русскими детьми. Дело преподавания сильно затрудняется плохим пониманием русского языка и нередко недоверием к словам учителя (особенно первое время), во-первых, и трудностью работы с ребенком, для которого почти половина слов, встречающихся им в букваре, является новыми совершенно понятиями, которых он не может найти в окружающем его мире, во-вторых. Для маленького алеута слова: «лошадь», «лес», «луг», « рожь », «поле » и сотни других совершенно чужды и непонятны. Работу учителя облегчает умелый подход к детям и наличие хороших отношений с населением островов.

Промышленники Командор до сих пор не состоят членами профессиональных организаций, но, желая вступить в союз, они подали

целый ряд соответствующих заявлений, и этот вопрос недавно был решен в положительном смысле.

Во многих семьях отношение к детям очень плохое. На них смотрят только, как на работников, и взваливают на них всю домашнюю работу. Существенную роль в этом играет обмен детьми, имеющий историческое обоснование, но принявший уродливые формы. В старину мальчик всегда отбирался у отца, и его воспитывал обычно его родной дядя, так как считалось, что отец будет только баловать сына и не сумеет его научить всему необходимому для промышленника. Ленивых неумелых юношей дразнили словами: «тебя, верно, отец воспитал».

В настоящее время ребенка берут почти исключительно для того, чтобы он исполнял черную домашнюю работу, приносил воду, нянчился с малышами и т. п. Держат же ребенка впроголодь и особенно часто лишают его сахара, расходуемого на «квасок».

Спешу оговориться, что плохое обращение с детьми не является правилом, и в некоторых семьях за детьми прекрасно ухаживают, а иногда балуют их даже больше, чем следовало бы.

Между прочим, упомяну здесь о своеобразном способе укачивания грудных детей: мать садится на пол, вытянув ноги, кладет на них подушку, а на нее ребенка головой от себя и укачивает его, покачивая ногами вправо и влево, продолжая заниматься одновременно какой-либо другой работой, рукоделием и проч. Кормят матери детей грудью очень долго, иногда до 1½ летнего возраста.

И на том и на другом острове имеются клубы, в которых оборудована сцена, а по стенам развешаны портреты вождей и плакаты. Эти клубы охотно посещаются жителями.

Книги, из имеющихся на островах библиотечек, охотно берутся населением для чтения, но подбор книг очень мало подходит к умственному развитию и кругозору алеутов. В библиотеке находятся, с одной стороны, такие книги, как «Мир, как воля и представление», Шопенгауера, а с другой, — разрозненные собрания сочинений Метерлинка, Ростана и других западно-европейских писателей. Немудрено, что алеут в таких книгах, не имеющих ничего общего с окружающим его миром и не дающих ему возможности войти в другой мир, не может разобраться и читает такую книгу исключительно ради самого процесса чтения, как гоголевский Петрушка. Книги прочитываются от первой до последней строчки, иногда по нескольку раз.

Алеуты любят «бумажку»: они и сами охотно пишут всевозможные заявления, даже в тех случаях, когда это является совершенно излишним, и все дело можно покончить на словах (и это не только в официальных случаях, но и в частной жизни) и предпочитают, когда необходимые распоряжения отдаются в письменной форме. Ко всякому письменному распоряжению промышленник отнесется внимательнее, чем к данному устно. Это особое отношение к «казенной бумагке», свойственное отчасти и нашему крестьянину, вероятно, получило свое начало и развитие не из среды самих алеутов, а сверху, от разного рода начальства, которое, сидя подчас без дела на далеких островах и расписывало каждую мелочь за номером, печатью и т. п.

Организованная на о. Беринга в 1918 году ячейка ВКП (б.) состоит из 23 членов; более молодая комсомольская ячейка имеет 21 члена.

В 1922 году, во время хозяйствичанья в Приморье так называемого «Меркуловского правительства», после прихода на острова военного

корабля «Магнит», алеуты о. Беринга, ожидая прихода меркуловских судов, руководимые партичайкой, по всем правилам партизанства, покидали селение и «уходили в сопки»; располагаясь с винчестерами и винтовками на знакомых горных хребтах, они зорко следили за подходящим к берегам судном и, только убедясь, что корабль не имеет каких-либо военных заданий, они спускались с гор и принимались за работу по выгрузке и прочее.

Алеуты решили не допускать на Командоры меркуловских кораблей и не давать им пушнину и отчасти, конечно, боялись репрессий за проявленную ранее революционность.

Говоря о внедрении партийной работы в алеутскую среду и существующих на островах партичайках, отнюдь нельзя упускать из виду, что эти ячейки составлены из людей, умственный кругозор которых все же ограничен историческими условиями командорского бытия и которые, как уже выше отмечено, имеют на себе специфический отпечаток уродливого прошлого. Поэтому, не рискуя впасть в ошибку, можно утверждать, что вся работа ячейки и все ее действия находятся в прямой непосредственной зависимости от участия в этих ячейках приезжих русских. Если работа в партичайке на Командорах проводится достаточно зрелыми, развитыми и учитывающими всю обстановку товарищами, то партийная мысль в среде алеутов получает свое соответствующее оформление и дает делу пользу.

В 1924/25 г. на проводившихся достаточно умело политбасах, которые охотно посещались всем населением, чтобы растолковать алеутам, «как жили буржуи», приходилось показывать в волшебном фонаре, за неимением ничего более подходящего, например, Мюнхенский музей, Мilanский собор и т. п., а для того, чтобы показать, «как жил пролетариат», демонстрировались негры и жители Огненной Земли и их жилища.

Партийная работа и правильная ее постановка на Командорских островах среди алеутов требует, во-первых, достаточно квалифицированных в этом отношении товарищ, а во-вторых, и несколько особых методов в самой работе. Алеуту должно стать ясным, через умелое руководительство, что наряду с приобретенными им, как трудающимся, правами при вступлении его в партию, он принимает на себя и ответственные обязанности.

Впрочем, эта тяжелая работа — внедрение партийной мысли в специфическую среду — в равной мере трудна и требует особых приемов вообще для всех наших северных туземцев, живущих промыслом.

Живут алеуты в домах, построенных еще во время аренды островов Гутчинсоном и К-о в семидесятых и восьмидесятых годах прошлого столетия. Все дома построены по легкому американскому типу, т.-е. их остовы сбиты из тонких брусьев и обшиты снаружи и внутри шпунтом из калифорнийской сосны с прокладкой толевой бумаги под наружной обшивкой: так называемой «боковой черепицей». Внутри комнаты обиты дрелью и покрашены. Дома покрыты деревянной черепицей, почти везде прогнившую насквозь. Постройка такого дома производится легко, быстро и дешево, но он слишком мало подходит к суровому северному климату. Сырость и отсутствие ремонта в течение десятков лет привели все имеющиеся постройки в самое плачевное состояние, и они требуют, если не замены новыми, то капитальной перестройки. Летом все дома протекают, а во время зимних штормов ветер свободно гуляет по комнатам; американские же переносные кам-

бузы, заменяющие печи, не могут поддерживать тепло. Рамы в окнах одинарные, а стекол не хватает, и окна заклеиваются бумагой или забиваются досками. Вдобавок, постройки нередко страдают от землетрясений, являющихся на Командорах обычным явлением. Так, во время землетрясения 20 августа 1925 г. в с. Преображенском на о. Медном в домах были разрушены все дымоходы и дымовые трубы, повреждены печи, побита посуда, а в сараях выбита часть подпорных стоек.

Недостаток подвоза топлива в некоторые зимы, например, в 1904—1905 и в 1919—20 г.г., принудил жителей разобрать на топливо целый ряд менее необходимых построек, все заборы, а в некоторых квартирах даже внутренние переборки. Вследствие этого количество зданий за последние годы значительно уменьшилось, как видно из следующей таблицы:

**Таблица
количество зданий и шлюпок на Командорских островах в 1910—1925 г.г.**

	О. Беринга		О. Медный		Всего	
	1910 г.	1925 г.	1910 г.	1925 г.	1910 г.	1925 г.
Домов	78	52	81	58	159	110
Бань	5	2	4	1	9	3
Юрташек	52	25	13	17	65	42
Шлюпок	17	3	39	16	56	19

Из приведенных цифр ясно, что особенно плохо жилищный вопрос обстоит на Беринге, где к тому же все дома хуже медновских.

Обилие шлюпок на Медном объясняется необходимостью переходов из одного места в другое исключительно по морю.

Что касается промысловых юрташек, разбросанных в разных местах островов, то они представляют собою слегка углубленные в землю постройки, с двускатной крышей; состоят они из небольших сеней и одной комнаты, построены из леса, выброшенного морем; обложены дерном или засыпаны землей. Юрташки скучно освещаются единственным окошком, а вся меблировка состоит из нар и одного столика. Отапливаются юрташки при помощи каменок, похожих на устраиваемые в русских черных банях, а для выхода дыма в потолке находится специальный люк. Эти постройки очень теплы и многие семьи на зиму предпочитают жить в них, покидая свои холодные, разрушающиеся дома. Во время промыслов, ночуя в юрташках, промышленники нагревают их до невероятной степени: настолько, что непривычному человеку спать является совершенно невозможным; алеуты считают, что, вследствие ночевок в такой высокой температуре, они избавляются от простудных заболеваний.

Свои дома алеуты содержат, обычно, очень чисто и опрятно: на пол стелются половицки, на окна навешиваются занавесочки и ставятся цветы — классические герань или фуксия, на стене помещаются картины, какие-нибудь удостоверения, зеркало, часы, хотя бы и испорченные, или просто дощечки с наклеенными на них ракушками или цветными камешками. Нередко можно увидеть на столе, в какой-нибудь старой кружке, букет местных полевых цветов: рододендрона

(*Rhododendron Kamtschaticum* Pal. или *R. chrysanthum* Pal.) или полевой герани (*Geranium erianthum* Dc). Мебели очень немного, но каждая семья стремится иметь застекленный буфет, чтобы расставить в нем всю наличную посуду. В общем, обстановка алеутской квартиры очень напоминает таковую в мещанских домиках на окраинах наших европейских городов, если не считать остатков американских предметов.

Все хозяйство по дому и приготовление пищи лежит на обязанности женщины, и это, да еще шитье и починка промысловой одежды и обуви, составляет все ее занятия. Те времена, когда женщины принимали участие в промысле, ушли далеко в прошлое и теперь вспоминаются, как сказка.

В праздничные дни алеуты одеваются очень чисто и опрятно, а дети и девушки даже нарядно, насколько это возможно при наличных средствах.

Мужчины надевают пиджаки и жилеты, некоторые и галстуки, а у одного до последнего времени имелся добытый откуда-то долгополый сюртук; женщины и девушки наряжаются в светлые платья, отделанные кружевами, связанными ими самими, на ноги надевают лайковые туфельки и белые тонкие чулки (привезенные в 1924 году вместо прочной промысловой обуви), а на шею какие-нибудь бусы или медальончики; в прическу или в косу, за неимением ленты — такой необходимой части женского туалета — вплетаются какие-либо цветы или лоскутки материи.

Из подсобных промыслов, которые имеются в данное время на Командорских островах среди алеутов и часть которых имеет определенные перспективы, следует в особенности остановиться на рыбном промысле.

Рыбный промысел на о. Беринга и о. Медном резко отличаются один от другого: в то время как на первом из названных островов местные жители-алеуты почти исключительно довольствуются добычей лососей, главным образом, красной рыбы, в большом количестве заходящей в речки острова, и лишь очень редко решаются выезжать для ловли рыбы в открытое море, — на о. Медном в сравнительно широких размерах добываются треска и судачок в море и ничтожное количество заходящих в речки лососей.

Кроме красной (*Oncorhynchus nerca* Walb.), наблюдается заход в речки острова Беринга осенью еще кижучи (*Oncorhynchus Kisutch* Walb.), в некоторые годы достигающий значительных размеров. Попадаются также горбуша (*Oncorhynchus gorbuscha* Walb.) и кета (*Oncorhynchus keta* Walb.).

Добыча лососей производится, главным образом, в речке Саранной, вытекающей из большого беринговского озера, носящего то же название, как и речка. Каждую весну близ самого устья р. Саранной, впадающей в море на северном побережье острова, население сооружает двухстенный запор, действующий в продолжение всего лета и снимающийся лишь поздней осенью. Для устройства обеих стенок запора, находящихся на расстоянии трех саженей одна от другой, по-перек речки укладывается над водой бревно, а вдоль него в дно речки наклонно втыкается густой ряд кольев, опирающихся на это бревно. Основания этих кольев засыпаются камнями. В каждой стенке оставляют узкий проход для рыбы, который, в случае нужды, может быть закрыт особой решеткой. Рыба, стремящаяся против течения, не может пройти в узкие щели между кольями и камнями верхней стенки

и в массах набивается между стенками запора, где и ловится, по мере накопления, при помощи небольшого бредня без мотни. Длина бредня, называемого алеутами неводом, соответствует ширине запора; его ширина равна 1,4 метра, при числе ячей 35—40.

В других речках о. Беринга лососей ловят такими же бреднями, но несколько более длинными — до 50 метров.

С началом хода красной, совпадающим с концом июня или первыми числами июля, почти все население Беринга переселяется в селение Саранное, расположенное близ устья речки Саранной, верстах в 12 от сел. Никольского — обычного местопребывания всех жителей острова. В с. Саранном алеуты остаются, пока не сделают запасы рыбы для себя и для своих собак на предстоящую зиму.

Заготовка рыбы производится больше всего сушкой на вешалах, обычно принятым на Камчатке способом, при чем, юкола, приготовленная для людей, по высыхании складывается в «пузыри» — вычищенные желудки сивучей и котиков, где она великолепно сохраняется продолжительное время.

Ввиду сырого и туманного климата острова, нередки случаи, когда юкола не высыхает и начинает гнить на вешалах, распространяя вокруг селения сильное зловоние. С появлением мух, откладывающих личинки в рыбу, приготовление юколы прекращается, и начинается заготовка для собак «аргиза» или «кислой рыбы». Для этого слегка подсоленную рыбу складывают в кое-как сколоченные ящики или старые, дырявые бочки. Для приготовления аргиза расходуется не более 16 килограммов соли на 100 шт. рыб; рассол быстро вытекает из многочисленных трещин и щелей, и рыба начинает разлагаться, издавая невыносимую вонь.

Приготовленная таким способом рыба перед дачей ее в корм собакам должна быть предварительно отмочена в течение нескольких дней в проточной воде.

Совсем небольшое количество красной заготовляется посолкой в бочках пластом, а иногда и колодкой.

Икра населением в пищу не употребляется и выбрасывается в море или зарывается в землю с другими рыбными отбросами.

В качестве иллюстрации привожу данные добычи лососей по отдельным рекам на о. Беринга в 1923 году.

Название рек	Д о б ы т о ш т у к			
	Красной	Кижуча	Горбуши	Всего
Саранная	80.644	542	290	81.476
Гаванская	6.640	183	—	6.823
Ладыгина	2.367	—	—	2.367
Итого	89.651	725	290	90.666

Из этого количества заготовлено для корма собак 40.792 шт. и для подкормки песцов 6.536 шт. красной; все остальное пошло в пищу населению.

Что же касается добычи рыбы в открытом море, то шлюпки, которых на о. Беринга имеется у частных владельцев всего три, выходят на промысел в море не более 5—6 раз в год весною, до начала хода лососей, добывая в общей сложности только несколько сотен штук

трески и судачков и случайно другой рыбы. После же начала хода красной насыпь ловит исключительно ее, несмотря на то, что командорские воды около самого побережья островов изобилуют запасами рыбы великолепных вкусовых качеств; да и весной только недостаток пищи заставляет беринговца осторожно выйти в море, поскорей поймать несколько рыбешек и скорее возвратиться обратно в селение.

Совершенно другую картину можно наблюдать на о. Медном. Отсутствие собак и трудность сообщения между различными частями острова через высокие, крутые перевалы заставляют жителей постоянно пользоваться шлюпками, как средствами передвижения, и из них выработались хорошие моряки, смелые и осторожные в одно и то же время; почти полное отсутствие хода лососей в маленьких и немногочисленных речках острова приучило медновцев хоть немного использовать рыбные запасы открытого моря.

В общем медновцы охотно выезжают за рыбой, и каждый благоприятный день, которых так мало на Командорах, можно видеть в море несколько шлюпок, вышедших на рыбную ловлю.

Главным объектом морского промысла надо считать треску (*Gadus morrhæsa Jin.*), встречающуюся в огромных количествах почти в любом месте. Лов этой рыбы производится зимою на глубине 60—100 метров в некотором расстоянии от берегов, а летом у самого побережья островов на глубине 10—20 метров, а иногда непосредственно с береговых камней. Треска, добываемая у о. Медного, отличается своей величиной, достигая нередко 16—18 килограммов веса.

Промысел производится круглый год, при чем общий улов на о. Медном достигает 6.000 штук.

На втором месте, по своему промысловому значению, из числа рыб, добывающихся в море, стоит «судачок» (*Chirus octogrammus Pall.*), распространенный вдоль цепи Алеутских островов и известный у американцев под названием «полосатой рыбы» и «желтой рыбы» или ухинской макрели. Эта рыба, обладающая превосходными вкусовыми качествами как в свежем, так и в копченом и соленом виде, подходит к берегам Командор в марте или апреле и мечет икру в начале июня. Количество ее у берегов о. Медного так велико, что один человек, имея лишь примитивно устроенную местную удочку, так называемый «поводок», может наловить во время хода судачков до 60 рыб в час. В хорошие дни, при тихом, спокойном море, можно видеть громадные стаи судачков, двигающиеся, тесно скучившись, под самой поверхностью воды и обычно сопровождаемые стаями морских птиц — глупышей.

За последние годы улов судачков, достигавший десять лет тому назад 17.000—18.000 штук, сократился до 9.000—10.000 штук в год. Местные рыбаки объясняют такое заметное уменьшение количества судачков увеличением близ островов стай касаток, являющихся, по мнению алеутов, жестокими истребителями этой рыбы.

Орудием лова рыбы в море служит так называемый «поводок», состоящий из длинной до 100 метров и больше бечевки (преимущественно 3—4 милл. толщины), к концу которой прикреплено свинцовое грузило, отлитое в виде рыбки, весом 0,4—0,8 килограммов, с двумя крючками, впаянными в него снизу таким образом, что оно имеет форму якоря. Кроме того, еще два или три крючка привязываются к поводку на коротких бечевках ниже и выше грузила. Зимой грузило,

называемое алеутами «рыбкой», делается несколько тяжелей, чем летом, потому что лов производится на большей глубине.

Самая ловля производится на поддев, почти всегда без наживки и на островах называется «дерганьем рыбы». Лишь в середине зимы, когда рыбы бывает мало, и она уходит далеко от берегов, в качестве наживки берутся куски соленой красной рыбы.

Никаких более усовершенствованных орудий лова (хотя бы обычных на севере Европейской России ярусов для трески) на Командорских островах не применяется. Между тем, колоссальные запасы морской рыбы остаются совершенно неиспользованными. Несомненно, при переходе на современные методы и орудия лова, количество добываемой в море рыбы может быть увеличено во много раз. Особенно это относится к треске и судачкам, но можно полагать, что и организация промысла на такую вкусную и ценную рыбу, как палтус, попадающийся пока лишь случайно при ловле трески, явится делом, заслуживающим серьезного внимания и достаточно доходным.

Размер, до которого улов трески на Командорах может быть доведен, определить в конкретных цифрах, конечно, невозможно, так как в этом направлении специальных исследований не производилось; по общему же впечатлению, которое устанавливает громадные и почти нетронутые запасы трески, можно заключить, что промысел ее без какой-либо помехи для ведения пушного хозяйства может быть развит достаточно широко.

Кроме рыбной ловли, к числу подсобных промыслов жителей Командорских островов надо отнести охоту на птицу и морского зверя.

Ружейная охота на птицу служит большим подспорьем для населения, особенно на Медном, к берегам которого прилетают в начале апреля несчетные количества глупышей, ар, топорков и других морских птиц. В это время алеуты, соскучившиеся за зиму по свежему мясу, все, кто только может, выезжают в море и бьют птиц, тучами носящихся в воздухе.

На о. Медном значительное количество морской птицы добывается, как выше сказано, при помощи «чируча». Этот же сачок употребляется при ловле молодых глупышей с лодки, когда они осенью вылетают из гнезд и, еще плохо умея летать, садятся на воду. В одно утро алеут этим сачком может наловить 30—40 птиц.

На о. Беринга некоторое количество топорков добывается на Топорковом острове, посредством вытаскивания их из нор обыкновенным крупным рыболовным крючком, привязанным к концу короткой палки.

Что касается охоты на ластоногих, то она имеет нерегулярный характер и зависит от подхода зверей к берегам островов. Существующие в зимнее время лежбища сивучей на южных оконечностях обоих островов, где этих зверей скапливается по 200—300 голов на каждом, трудно доступны, и охоту здесь удается произвести не каждый год. Нередко отдельных сивучей убивают и на котиковых лежбищах, где они тревожат промыслового зверя. Охота на сивуча имеет важное значение, так как, кроме большого количества вкусного мяса, сивуч дает материал для промысловой обуви и одежды; сивучья шкура используется на подметки для торбасов, из кишек выделяются камлейки, из горл — рукавички и голенища, наконец, вычищенные желудки употребляются в качестве хранилищ для юколы.

В районе островов, нерпы, вследствие их упорного преследования, стали за последнее время очень редки.

На китов охота на Командорах совершенно не производится, и только случайно выброшенный волнами на берег кит дает населению сразу большой запас продовольствия в виде мяса и жира, употребляемых в пищу очень охотно и считаемых очень вкусными.

В общем подсобные промыслы играют большое значение в жизни алеута, хотя в последние годы их производство было очень ограничено, вследствие того, что для охоты не хватало пистонов и патронов, а для рыбной ловли — рыболовных крючков подходящего размера.

Новым промыслом, который может быть развит на Командорах, надо считать промысел касаток — крупных морских хищников, блокирующих котиковые лежбища и нередко преследующих и морских великанов-китов.

Опыты охоты на касаток 1925 года, когда мы выезжали на совершенно ветхом и регулярно останавливающимся моторном катере «Сивуч», с самодельными гарпунами и прочим кустарным снаряжением, — определенно показал возможность постановки промысла касаток у командорских берегов. Алеуты были очень заинтересованы новым делом и прилагали все усилия загарпунить касатку, которая подходила к нашему катеру всего на несколько саженей. Здесь надо, между прочим, отметить, что некоторые старики пугали нас, говоря, что касатки будут мстить, если мы добудем хоть одну из них и не дадут даже рыбакам выходить на шлюпках в море, но молодежь и рядовые промышленники, увлеченные преследованием касаток, не обращали на это внимания. Касатка может дать мясо для собак и песцов и хороший жир. Этот промысел, таким образом, заслуживает особого внимания и как охранное мероприятие для увеличения нашего котикового стада.

Условия о. Беринга очень благоприятны для разведения рогатого скота, и на острове имеется небольшое количество коров, дающих молоко почти круглый год, несмотря на самый примитивный уход. Постоянная сырость, дожди и туманы сильно затрудняют заготовку на зиму сена, и жители начинают сенокос лишь в сентябре, когда травы уже подсохнут и могут быть собраны в стога через день после покоса. Произведенные в 1924 и 25 г.г. опыты с подсолкой сена дали благоприятные результаты.

В общем сена заготовляется для скота крайне мало, и большую часть зимы коровы находятся на подножном корму на холмах к северу от с. Никольского, остающихся, вследствие сильных зимних ветров, почти беснежными. Зимой 1922/23 г. сена запасено почти не было, и коров кормили мешками из рисовой соломы из-под угля, привезенного из Японии.

Во всех других отношениях уход за скотом очень плохой, и он чаще всего бывает всецело предоставлен самому себе.

На о. Медном в настоящее время коров нет, кроме одной, завезенной в 1925 году. Бывшее когда-то стадо рогатого скота погибло зимой несколько лет тому назад во время пурги. Зато на этом острове, вследствие отсутствия ездовых собак, жители разводят коз и свиней.

По последним сведениям на островах находилось следующее количество домашнего скота и птицы.

	Коров.	Телят.	Свиней.	Коз.	Кур.	Собак.
О. Беринга	20	24	20	—	—	375
» Медный	1	—	84	10	72	—

Скотоводство может быть развито и улучшит условия жизни командорских алеутов, сделав ненужным доставку, например, дорогих молочных и мясных консервов.

Куры, находящиеся на островах, мелки, малоноски и сильно страдают от набегов песцов.

Впрочем, от песцов страдают не только куры, но и свиньи. Нередко можно видеть в самом селении защиту свиньей своих поросят от нападающих на них песцов и, как курье, надо отметить, что почти все свиньи на о. Медном куцые: нахальные песцы им отгрызли хвосты.

В настоящее время поднят вопрос о полном уничтожении на о. Беринга собак, требующих для прокорма большого количества рыбы и вредящих песцам. Заменить собак предполагается увеличением количества пловучих средств и разведением северных оленей.

Относительно последних, надо вспомнить, что в 1882 году были произведены опыты разведения, когда на Беринг доктором Дыбовским было привезено и выпущено 25 оленей. Стадо быстро увеличивалось и, по словам алеутов, около 1900 года дошло уже до 1.000 голов и больше, но в дальнейшем все погибло. Причины гибели оленей были: хищничество японцев, завал оленей снегом в южной части острова во время штормов и интенсивная охота со стороны самого населения. Не исключается также возможность эпизоотий и недостатка корма, вследствие медленного возобновления оленьего мха. Теперь еще можно найти в горных оврагах в большом количестве оленьи кости и рога. В 1925 году были найдены на хребте у мыса Толстого два роскошных экземпляра черепов оленей-самцов. Оленеводство на о. Беринга может быть легко восстановлено, так как неудача первого опыта обусловливается, в общем, случайными причинами. Использование оленя на о. Беринга, помимо транспортных целей, даст и ценное мясо, и шкуры, и жилы, и прочее, и несомненно сыграет большую роль в улучшении экономических условий жизни нашего алеута.

Огородничество, по местным климатическим условиям, не может дать значительного улучшения в столе алеутов, но, не имея больших перспектив, оно на островах должно поддерживаться и быть поставлено в ряд очередных задач. Картофель, репа, морковь, редиска, брюква, салат, укроп и хрень — вот краткий список овощей, которые культивируются и теперь в очень небольшом количестве на островах.

Также на Командорах (о. Медный) может быть развито мелкое судостроение. Было бы интересным заказать для стимулирования этого производства мореходную шлюпку, например, нашими госорганизациями, работающими на Камчатке: они убедились бы в прекрасной работе и исключительной прочности шлюпок постройки медновских алеутов. На о. Медном вельботы местной работы ничем не отличаются от лучших американских и служат по 20—30 лет.

Таким образом, как видно из всего вышесказанного, на Командорских островах местное население может быть привлечено, помимо чисто промысловых работ, ведущихся в данное время, — добыча котиков, песцов и бобров, — к следующим видам хозяйственной деятельности: рыболовство, животноводство, шлюпочное производство, морской звериный промысел и огородничество. Все эти подсобные промысла и занятия вполне возможны, имеют уже те или иные зачатки и в недалеком будущем, вне всякого сомнения, послужат к укреплению хозяйства командорского алеута и к развитию его способностей.

Пища населения состоит, главным образом, из привозимых на острова продуктов и заготовляемой на месте рыбы. В последние годы, при скучном подвозе пищевых запасов, алеуты, конечно, ели все, что им приходилось, но когда продуктов бывало в избытке, то многие были очень разборчивы. Одни не едят гречневой крупы, другие презируют куриной или свининой и т. п. За то все очень любят всевозможные сладости, семечки, орехи, фрукты и пряности. Всевозможные продукты моря, доставляемые лайдой, находятся в большом почете. Охотнее всего потребляются «репки» — морские ежи (*Strongylocentrotus sp.*), к которым быстро привыкают и многие из русских, затем едят осьминогов, различных моллюсков (например, мидий и *Petella*) и несколько видов водорослей.

Из характерных, так сказать национальных, блюд командорских алеутов можно отметить корни сараны (*Fritillaria Kamtschaticus* Gaw.), из которых приготавливается пюре, и весьма вкусные желудки трески, фаршированные рубленой тресковой печенью с луком и перцем.

Значительное подспорье к столу алеута составляет мясо различных непромысловых зверей (сивучей и нерп) и местных птиц. Раньше одно из первых мест в питании алеутов занимало котиковое мясо, но теперь, при ограниченном убое котиков, оно имеет мало значения. По вычислениям быв. уездного начальника Гребницкого, только для населения о. Медного на год требовалось 4.000 котиковых тушки. Сейчас почти все мясо холостяков (мясо старых самцов-секачей в пищу не идет) съедается в свежем виде и лишь очень немного заготавливается впрок.

Очень вкусным считается китовое мясо, хотя не всех видов китов, и если волны выбрасывают на берег кита, хотя бы даже начавшего разлагаться, то это является целым событием для населения острова. В старину в таких случаях даже устраивались особые празднества, на которые собиралось все наличное население острова.

Чай алеуты любят кирпичный и пьют его всегда очень крепким. Почти все алеуты являются большими любителями спиртных напитков, и это особенно резко выступает потому, что доставка их на острова очень ограничена, и спирт является до известной степени запретным плодом, так как выдается лишь после тяжелых работ по особой норме. И вот алеут готов зимой лезть в ледяную воду и работать несколько часов мокрым на холода и ветру, чтобы иметь потом возможность получить полстакана водки.

Недостаток спиртного пополняется изготовлением местных опьяняющих напитков из рябины или муки и сахара с добавлением хмеля и корней папоротника. Этот напиток называется «кваском», «зюйдой» или «чихирём» и по вкусу напоминает хлебный квас, но действует сильно опьяняюще.

К сожалению, большая часть выдаваемого населению сахара идет на изготовление чихиря, а дети и взрослые во многих семьях не получают ни крупинки сахара, особенно в месяцы, предшествующие какому-либо большому празднику.

Пьянство на островах бывает нередко, но вряд ли в больших размерах, чем в любой русской деревне, и, конечно, нельзя считать поголовно всех алеутов наследственными алкоголиками, как полагают многие лица, лишь мимолетно познакомившиеся с алеутами. Среди населения островов имеются совершенно непьющие и мужчины и женщины.

Да и пьющий алеут не пропивает своего рассудка, как это можно иногда видеть среди тунгусов или чукчей.

Спирт для алеута является главным развлечением и наслаждением среди однообразной серой островной обстановки. В каждый праздничный день, до которых алеуты очень охочи, всякий из них старается достать хоть немного спирта или водки, или «сварить кваску» — и самому выпить и приятелей угостить, а иначе и праздник будет ему не в праздник.

Алеут быстро хмелеет, и небольшое количество спирта или «кваска» приводят его в благодушное настроение. Под влиянием винных паров, алеут беспринципно улыбается, распевает песни, безобидно пристает и затем где-нибудь засыпает. Только как редкое исключение, можно видеть среди пьяных алеутов буйство. За три года моего пребывания на островах мне почти неизвестны драки пьяных алеутов, а тем более какие-либо кровавые расправы, что нередко можно видеть среди русских крестьян, и чем алеуты даже в пьяном виде выгодно отличаются от последних.

Потребление табаку развито очень сильно как для куренья, так и для жевания с золой в виде «лемешины». Возможно, что благодаря этому у большинства алеутов очень плохие зубы.

Вследствие плохого экономического положения, состояние здоровья населения Командорских островов оставляет желать лучшего. В связи с ветхостью жилищ и недостатком обуви и одежды на островах, сильно развиты инфлюэнца, грипп и ревматизм. На втором месте стоят заболевания желудочного характера, объясняющиеся, главным образом, недостаточностью продуктов питания, доставляемых на острова. Часто отмечаются случаи туберкулеза, особенно распространенного на о. Беринга, где 6% всего населения заражено этой болезнью. Среди детей огромное большинство малокровных.

Отсутствие свежих овощей и недостаток питания весной почти ежегодно вызывают появление цынги, от которой страдает как местное население, так и приезжие на острова. В 1924 году был зарегистрирован смертный случай, явившийся следствием цынги.

Венерических заболеваний, вопреки общепринятыму мнению, за последние годы на островах наблюдается немного: вспышка, наблюдавшаяся в 1925 году, произошла вследствие приезда венериков на острова с материка, при чем (надо отметить) триппером заболели мальчик 7-ми лет и девочка 5-ти лет.

По физической силе и крепости телосложения, алеут, пожалуй, стоит несколько ниже крестьянина центральных наших губерний; при сравнении же с каким-нибудь аборигеном побережья Приморья, например, с худощавым и тонконогим орочем, командорского алеута следует признать более коренастым и мускулистым. Конечно, алеут на тяжелой физической работе, где-нибудь на погрузке бревен или тяжелых кулей, уступит русскому грузчику, так как эта работа алеуту непривычна и несвойственна, но алеут всегда оставит далеко за собой любого русского, во всех равных условиях, например, при походах с котомкой за плечами через крутые горные перевалы и при работе, связанной с промыслами.

На обоих островах имеются фельдшера и достаточно оборудованные амбулатории с пополняемым ежегодно запасом медикаментов, но сама медицинская помощь в последнее время не была поставлена на должную высоту.

Серьезным дефектом в деле постановки соответствующей медицинской помощи является отсутствие на островах хотя бы небольшой больнички на две койки. Амбулаторный прием недостаточен, а пребывание заболевших в своих ветхих домах с протекающими крышами и продуваемыми насквозь стенками не дает возможности даже и квалифицированному врачу провести правильное лечение.

Алеуты очень охотно посещают амбулатории и вызывают фельдшеров к себе на дом; многие из них мнительны: любят лечиться и принимать лекарства. Каких-либо особых болезней, в частности распространения глазных болезней, от которых сильно страдает соседняя Камчатка, у командорцев не наблюдается.

Широкое распространение болезней, в связи с недостатками снабжения и сырьем, тяжелым климатом, вызывает высокий процент смертности и повело к тому, что население ежегодно уменьшается. Среди смертных случаев очень большой процент падает на детей до 5-летнего возраста. За последние годы смертность равна 4,1%, а рождаемость всего 3,0%.

Движение населения на островах с 1890 года, т.-е. со времени последнего переселения на острова, по 1910 год подробно разобрано в работе Е. К. Суворова. К сожалению, не представляется возможным получить сведения за время с 1910 по 1920 год.

Добавляя к данным Суворова сведения за последнее пятилетие, мы получаем следующую общую картину прогрессирующего сокращения населения Командорских островов.

Число жителей на Командорских островах.

Годы	О. Беринга			О. Медный			Общее количество жителей
	Мужчин	Женщин.	Всего	Мужчин	Женщин.	Всего	
1890 г.	170	175	345	133	141	274	619
1900 г.	—	—	279	—	—	253	532
1909 г.	132	135	267	119	115	234	501
1910 г.	—	—	—	112	120	232	—
1921 г.	93	113	206	88	83	171	377
1922 г.	—	—	210	88	83	171	381
1923 г.	103	101	204	81	79	160	364
1924 г.	109	99	208	81	75	156	364
1925 г.	99	92	191	80	74	154	345

То-есть за 25 лет население Командор уменьшилось более, чем на 35%.

Констатируя быстрый темп вымирания алеутов, нам важно установить, является ли это вымирание неизбежным и естественным, или же оно вызвано исстари неблагоприятными внешними условиями и усилено этими же условиями в настоящее время. Важно определить и главные причины этого вымирания, чтобы подойти к вопросу об устранении всего того, что препятствует сохранению алеутов.

Для ответа на эти вопросы мы можем обратиться к американцам. На Прибыловых островах также имеются алеуты; их там насчитывается почти то же количество, что и у нас, и там они совершенно не вымирают. У прибыловских алеутов мы видим прекрасно оборудованные дома с водопроводами, ванными и т. п.; кроме того, прибыловские промышленники не помнят недоедания. Поэтому можно предположить, что наблюдающееся сокращение количества населения наших островов является логическим следствием бедственного его положения в течение продолжительного срока и вместе с тем можно утверждать, что с переменой режима и с улучшением условий жизни наших алеутов, — к чему сейчас принимаются особые меры, — это вымирание прекратится.

В вопросе улучшения общих условий жизни командорских алеутов лежит, по нашему мнению, главный путь к сохранению и укреплению этой ценной, единственной на территории Союза, небольшой группы людей.

Из второстепенных причин, усиливших при полуголодном существовании алеутов их вымирание, следует указать на сырой, нездоровий климат Командор, родственные браки, рано начинающуюся половую жизнь. Но эти причины, а также и другие (последствия прежних венерических заболеваний и отчасти алкоголизма), в значительной мере потеряют свою остроту и вредное влияние с проведением на островах хозяйственной и культурной работы. Привыкшему к командорскому климату алеуту сырость страшна тогда, когда ему негде обогреться, а остальные моменты устраняются путем организации культурно-просветительной работы и соответствующей постановки достаточной медицинской помощи.

Таким образом, мы заключаем, что вымирание наших алеутов не является неизбежным и устраниется само собой при дальнейшем нормальном развитии командорского хозяйства.

Итак, алеуты Командорских островов представляют собою исключительно приспособленную промысловую силу для нашего островного хозяйства. Не зная алеута, как человека и работника, мы пытались, подчас в совершенно неприемлемых с современной точки зрения формах, подходить к вопросу об алеутах. Намечали их выселение, считали их полными дикарями, сплошными алкоголиками и проч. и проч. Со всем этим надо покончить и мужественно признать сделанные ошибки.

Грех царского правительства, полученный на Командорских островах в наследство советской властью, должен быть покрыт и заглажен точным знанием и выводами науки.

мень. Ликвидация пайковой системы и бесправного положения и призыв алеутов на равных основаниях к новой трудовой жизни с приливом на ценнейшие острова силы и техники советской культуры не оставляют какого-либо сомнения, что в лице алеутов Командорских островов мы будем видеть вполне квалифицированную производительную силу, могущую быть использованной не только в скромной роли «командорского промышленника», но и на более высоких должностях в пушном звероводном хозяйстве Дальневосточного края Советского Союза, к чему уже и сейчас намечаются определенные признаки.

Число жителей на Командорских островах.

№ 1. Количество жителей на Командорских островах в 1919—1920 гг. по данным Ученых Комиссии по изучению сибирской и дальневосточной природы и экономики Сибири и Дальнего Востока (Ученые Комиссия по изучению сибирской и дальневосточной природы и экономики Сибири и Дальнего Востока), включая алеутов и эскимосов, и т. д.

Следует отметить, что в 1919—1920 гг. на Командорских островах было зарегистрировано 350 человек, включая алеутов и эскимосов, и т. д.

Местные жители на Командорских островах в 1919—1920 гг. включают в себя эскимосов, китоловов, охотников на моржей и т. д., а также и тихоокеанских эскимосов, которые живут на Командорских островах в 1919—1920 гг. включая алеутов и эскимосов, и т. д.

VII. К докладу Б. А. Редько — «Алеуты Командорских островов».

1) а) Жители островов Беринга и Медного говорят на разных наречиях по месту их выхода с Алеутских островов и поэтому затрудняются в сношениях друг с другом. Как правило, они говорят на собственном наречии, но, в случае надобности, пользуются русским языком.

б) За последние годы не было ни случаев переселения на острова русских, ни случаев выселения алеутов на материк. Единственные русские, проживающие на Командорах, — это администрация островов.

в) Оспа на островах не наблюдалась, благодаря ежегодно производящимся прививкам. Детские инфекционные заболевания редки.

г) Годовой бюджет алеутской семьи около 540 рублей, что дает окруженно на одного человека 170 руб. в год или 14 руб. в месяц.

д) Венерических заболеваний за последний год отмечено 15 случаев; из них сифилис — 2 случая и триппер — 13. Часть этих заболеваний падает на приехавших с материка русских.

е) Половые сношения по большей части начинаются рано; нередко в возрасте 13—14 лет.

ж) Спирт привозится на Командоры в самом ограниченном количестве и выдается населению только после тяжелых работ на открытом воздухе, в сырую погоду.

з) Алеутского словаря для командорских островов нет. (Б. А. Редько).

2) Отрицательные картины жизни алеутов объясняются их бедностью, недоведанием, спаиванием и разращением со стороны приезжающих различных лиц. Принимая во внимание приспособленность алеутов к жизни, личные положительные качества алеутов, их способности не только к охоте и рыболовству, но и к животноводству, скотоводству и огородничеству, — нужно поставить алеутов в достаточно благоприятные материальные и культурные условия, ни в коем случае не выселяя их куда-либо в другое место, тогда и материально государство выигрывает, и народность будет поставлена, наконец, в более или менее нормальные условия жизни. (А. П. Георгиевский).

3) Вопрос о выселении группы командорских алеутов не может решаться отрицательно только по соображениям, что они являются незаменимой рабочей силой и вымирают в других условиях. Этот вопрос должен решаться в учете продуктивности командорского хозяйства. Командорское хозяйство, дающее пока добычу в 1000 песцов и 1000 котиков, даст ценностей на сумму около 120.000 руб. Расход по содержанию алеутов, не фактически существующий, а фактически необходимый, из расчета по 150 руб. на человека, определяется в 60.000 руб., т. е. невероятно высок. Не все алеуты промышленники; за счет выселения лишних может быть уплотнен труд остальных.

Неверно, что они не могут жить в других условиях. Они погибали в Уке, но там болели цынгой и русские. Алеуты могли бы найти удобное место, с пользой себе и государству, на других островах Камчатского края. (И. И. Гапанович).

4) Выселение, как метод подъема командорского хозяйства, недопустимо. Можно лишь говорить о привлечении, по добровольному соглашению алеутов, некоторой необходимой части их для работы на других островах. Необходимо укрепить и развить командорское хозяйство не только в части добычи пушнины, но и путем развития других возможных побочных промыслов (А. Д. Батурина).

5) В настоящее время на островах имеется 111 человек взрослых алеутов, начиная с 18-ти летнего возраста. По проекту Дальгосторга, для ведения командорского хозяйства, в связи с проектируемыми постройками домов, кормушек-ловушек, подкормкой зверя и проч., потребно 75 человек. Из 111 наличных промышленников

имеется 6 нетрудоспособных стариков и 8 или 9 больных. Заметно сильное стремление алеутской молодежи к продолжению образования на материке, в ближайшие 2 года может с островов выехать до 10 человек; также, возможно, при развитии хозяйства понадобится еще некоторый резерв из 3—4 человек; наконец, следует принять во внимание, что мальчиков подростков 14—18 лет очень мало. Следовательно, выселять придется всего несколько человек, в большинстве малотрудоспособных или нетрудоспособных. На новом месте выселенные, безусловно, в новых условиях уменьшат производительность своего труда, но потребуют затраты значительных средств на них, и их содержание обойдется гораздо дороже, чем на островах, где нетрудоспособных могут содержать или родственники или общество промышленников. (Б. А. Редько).

Резолюция.

Признать нерациональным с хозяйственной и культурной точки зрения принудительное выселение алеутов с Командорских островов. Считать более правильным избыток наличной рабочей силы использовать, во-первых, путем привлечения алеутов в качестве ценной рабочей силы на другие островные пушные хозяйства (на пример, на о. Карагинский или Шантарские острова), а во-вторых, на организацию побочных промыслов: рыболовства, шлюпочного дела, различных форм скотоводства, охоты на морского зверя и огородничества в пределах самих Командорских островов.

VIII. К докладу И. И. Гапановича — «Тунгусы Южно-Охотского побережья».

1) а) Цифровых данных о вымирании негидальцев нет. Можно только констатировать наличие способствующих этому факторов: распространение болезней и отсутствие помощи, слабость хозяйства, постоянное недоедание и прямые голодовки, в результате всего — понижение психической деятельности и моральный упадок. Внешними признаками этого явления можно считать: уменьшение занимаемой племенем территории, уменьшение численности (неблагоприятный половой состав, малая деторождаемость), несоответствие культурного уровня хозяйственной обстановке. Все эти признаки наблюдаются у негидальцев.

б) Никаких сведений о повальных болезнях среди тунгусов, живущих на Бурукане, не имеется; у негидальцев была в 1920—21 г. эпидемия оспы. Необходимо, однако, отметить распространенность среди туземцев различных неинфекционных заболеваний. Обследование заболеваемости туземцев Кербинского района обнаружило среди них много легочных заболеваний и, несомненно, что значительная часть их поражена туберкулезом. Кроме того, отмечаются — гонорея, гастрические заболевания.

в) Численность негидальцев в 400 человек определена приблизительно, но, на мой взгляд, очень близка к истине. Район, заселенный негидальцами, в настоящее время, невелик и сократился по сравнению с прежними годами. Часть негидальцев в окрестностях Керби была мною непосредственно подсчитана; если добавить сюда еще живущих в устьи Амгуни, то их численность не превзойдет 350—400 человек.

г) Сравнение негидальцев и тунгусов указывает на более низкий уровень негидальцев. Тунгус открыт, прям, гостеприимен, — негидалец хитер и склонен к обману.

д) Буруканские тунгусы рассказывают легенду о пещере, недалеко от Бурукана, будто бы населенной айнами; недовольное их враждебным поведением местное население перебило их. В пещере будто бы есть остатки жилья. Рассказывающий это